

СОЦИОНИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

УДК 159.923.2+929

Доспехов С. В.

ОПЫТ ДИАГНОСТИКИ ТИМА МЕТОДОМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ. МСТИСЛАВ ДОБУЖИНСКИЙ

Применение метода контент-анализа дает возможность определить тип информационного метаболизма русского художника Мстислава Добужинского как логико-сенсорный экстраверт (ЛСЭ).

Ключевые слова: соционика, психология, тип информационного метаболизма, психические функции, признаки Юнга, признаки Рейнина, контент-анализ.

1. Введение

Высокая степень субъективности отражения действительности — существенный признак, выделяющий произведение искусства как таковое из множества разных объектов, и, в конечном итоге, критерий его ценности. В поисках закономерного порядка в огромном множестве индивидуальных художественных стилей научное познание неизбежно доходит до некоей границы, за которой совокупность неповторимых индивидуальных черт художественного явления определяется как не подлежащая анализу загадочная целостность. Среди путей максимального приближения к этой границе главенствующее значение принадлежит тому, при котором значительная часть своеобразия творчества художника связывается с конкретными внешними факторами его формирования, составляющими культурный контекст места и времени его жизни и деятельности. Этот подход позволяет выявить общие качества произведений ряда художников, объединённых одним или несколькими внешними обстоятельствами (одно поколение, одна школа, одно направление и т. д.), но не позволяет увидеть закономерность в ряде обязательных различий между художниками внутри одного такого ряда. Роль внутренних психологических факторов формирования индивидуального стиля в трудах, написанных на основе этого подхода, как правило, признаётся: попытка психологической характеристики художника — почти обязательный атрибут монографии. Такие характеристики представляют собой своего рода элементы художественного текста внутри научного; о конкретных соответствиях и связях обычно речь не идёт.

Другой подход, получивший меньшее распространение, рассматривает художественное произведение как очищенную от эстетического содержания проекцию некоего коллективного или индивидуального психологического феномена, недоступного сознательному контролю. Историю этого подхода можно проследить, по крайней мере, с Г. Вёльфлина, который ещё в 1915 г. писал об «истории искусства, понимающей стиль, прежде всего, как выражение — выражение настроения эпохи и народа, с одной стороны, выражение личного темперамента, с другой». «Ясно, — продолжал он далее, — что этим не затрагивается художественная ценность творчества: темперамент не создаёт, конечно, художественного произведения, но он есть то, что можно назвать вещественной частью стилей в широком смысле этого слова, то есть, разумея при этом и определённый идеал красоты (как индивидуальной, так и общественной)» [6].

Поиски связей некоторой части индивидуальной специфики творчества художника и его принадлежности к одному из шестнадцати соционических типов, очевидно, вписывается в рамки последнего из названных подходов. Не вдаваясь в обсуждение многочисленных попыток определить место ТИМа в психике человека, отметим очевидную сопоставимость между такими попытками и вышеупомянутым рассуждением Г. Вёльфлина. Она становится ещё заметнее, если учесть нестрогость употребления в данном контексте самого термина «темперамент». Сходство можно отметить и между бытованием понятий стиля в искусство-

ведении и ТИМа в соционике: основные формальные критерии проявления того или иного художественного стиля (направления) в некотором виде искусства общепризнаны. В то же время, дискуссии по поводу принадлежности конкретного произведения к тому или иному стилю — вполне обычное явление. Бывает и так, что разные школы используют разную терминологию для обозначения одних и тех же явлений. Правда, в искусствознании ситуация облегчается неизменяемостью со временем формальных параметров произведения искусства, а также наличием таких точных его характеристик, как время и место создания.

Творчество и биография **Мстислава Валериановича Добужинского (1875–1957)** к настоящему моменту с достаточной полнотой исследованы с точки зрения наиболее традиционного для искусствознания подхода. Многие черты его биографии и творчества — общие для представителей русской художественной элиты поколения рубежа 1860—1870-х гг., прежде всего, тех, которые составляли круг «Мира искусства». В главном эти черты определены контекстом эпохи рубежа веков, означенной радикальными переменами в устройстве общества, науке и культуре. «Его искусству, идущему от натуры, [...] свойственны черты романтического сознания. Поэтическое и одухотворённое, символико-синтетическое по методу, оно проникнуто любовью к таинственному и фантастике, к старине, к средневековью. Как и все романтики, Добужинский мечтал о преобразовании жизни искусством», — писала исследователь его творчества [10]. Контекстом эпохи определены и основные жанры, в которых наиболее ярко проявил себя художник, — книжная и станковая графика и театрально-декорационное искусство. Типично для своего поколения резкое разделение творческой и бытийной биографии на дореволюционный и послереволюционный периоды, граница между которыми пришлась на возраст 45—55 лет, время достижения высокой творческой зрелости. В то же время, отмеченные исследователями отличия творчества Добужинского от его коллег по «Миру искусства» не могут быть полностью объяснены контекстом эпохи. В сравнении с А. Н. Бенуа и И. Э. Грабарём, он мало выступал в качестве теоретика и историка искусства; в отличие, например, от К. А. Сомова, много внимания в своём творчестве отдавал темам, связанным с архитектурным пространством; Петербург Добужинского, в отличие от Петербурга Остроумовой-Лебедевой, полон диссонансов и насыщен утилитарными приметами городского быта. Словом — внутри круга художников, вошедших в историю в качестве «генеральской выборки» [19] своего поколения, представлен значительный разброс в характере проявлений одних и тех же феноменов, объяснение которому можно искать во внутренних факторах формирования индивидуального мироощущения. ТИМ художника может выступить дополнительным параметром, позволяющим новую попытку отчасти структурировать указанный разброс, выяснить его закономерный характер.

Учитывая дискуссионный характер вопроса диагностики ТИМа, настоящая статья, как и две предыдущие публикации серии [13, 14], ставит акцент на самом определении ТИМа художника. При этом остаётся неизменным также и использование в качестве материала для диагностики литературных произведений художника (текстов-рефлексий). Исключительно через призму текстов-рефлексий затрагиваются вопросы связи его ТИМа и эволюционирующего изобразительного творчества. Наличие достаточно большого объёма опубликованных текстов-рефлексий — одна из причин, обусловивших выбор в качестве очередного предмета исследования художника, которого можно считать наиболее молодым представителем художественной элиты своего поколения, — М. В. Добужинского¹. С другой стороны, на примере типа ЛСЭ, к которому принадлежал этот художник, открывается привлекатель-

¹ В литературных произведениях художников имеются указания на то, что и Добужинский, и его друзья хорошо осознавали различия между поколениями участников современной им художественной жизни. «После 1905—6 гг., — писал Добужинский, — художественная жизнь невероятно усложняется и расширяется. Всё, что было начато «Миром искусства», получает дальнейшее развитие, но возникают и новые явления, новые центры, появляется множество новых замечательных дарований. Многие из этих людей входят в первоначальный дружеский круг «зачинателей», бывают очень близкими им, но этих новых деятелей младшего поколения, так же как и наших новых дел и настроений, я тут не касаюсь — это выходит уже за пределы моего очерка...» [11, 197]. В свою очередь, А. Н. Бенуа писал Добужинскому: «Разумеется, мы с тобой — одно поколение — пять лет в счёт не идут!» [5, 195].

ная возможность проследить проявления таких признаков, как **рациональность, квестимость, динамика, процессуальность**. Проявления именно этих признаков мы не могли наблюдать на примерах героев предыдущих статей серии.

Итак, аналогично предыдущим публикациям, в настоящей статье ставятся следующие главные задачи.

Попытка частичной реконструкции картины мотивации творческого и бытового поведения **М. В. Добужинского**, раскрытия психологической основы творческого своеобразия посредством аргументированного определения его ТИМа.

Диагностика ТИМа одного из ведущих художников своего времени, с целью использования в будущем её результата для проверки существующих в соционике гипотез групповой динамики в гуманитарно-социальной сфере, распределения типов по профессиям и областям деятельности и пр.

Накопление материалов для дальнейшей разработки и совершенствования одной из методик диагностики ТИМа на большом по объёму материале.

Настоящая статья может представлять интерес в качестве расширенного дополнения многочисленных существующих описаний типа **логико-сенсорный экстраверт (ЛСЭ, ■○)**.



2. Методика и техника работы

Так же, как и в предыдущих статьях серии, в настоящем исследовании используется **методика диагностики ТИМ по речи** путём проведения **контент-анализа** текста по ряду из 15-ти парных противоположных признаков Рейнина (включая юнговские), описанная в статье [23]. Также в ходе работы принимались во внимание результаты пилотного эксперимента Рабочей группы [22], а также некоторых более поздних исследований содержания информационных аспектов и признаков Рейнина. Опыт этих исследований показывает, что обращение к иным методам исследования и даже к иным типам литературных источников позволяет расширить представления о содержательном наполнении признака или аспекта². Эти представления оказались существенно пополнены в результате анализа произведений (художественных текстов и текстов-рефлексий) писателей, проведённого членами Рабочей группы [17]. Поскольку в настоящей статье мы имеем дело с родственным текстовым материалом и пользуемся той же методикой, выводы авторов книги [17] могут быть здесь оценены и использованы. Данные в ней определения признаков с несущественными изменениями приводятся в настоящей статье для удобства читателей, в качестве фиксации отправной позиции для предлагаемого анализа текстов.

Картина содержательного наполнения признаков Рейнина, внешне во многом отличная от версии Рабочей группы, была получена в результате исследования В. Л. Таланова [24, 25, 26]. Опираясь на данные статистической обработки ответов на анкету, оно и имеет целью создание в перспективе анкетного инструмента диагностики. Использование результатов этой версии содержательного наполнения признаков Рейнина в рамках методики контент-анализа текстов было бы возможно после дополнительной экспериментальной адаптации. Пока же большинство конкретных формулировок содержания признаков оказались мало-пригодны для прямого сопоставления с текстовыми источниками: требуемая информация представлена в текстах-рефлексиях, как правило, слишком случайно, фрагментарно и противоречиво. Некоторые выводы В. Л. Таланова всё же оказали влияние на настоящую работу, может быть, выставив именно слабые места исследования Рабочей группы.

² Напомним, что **аспект** — это функционально-информационный комплекс трех любых взаимозависимых признаков Рейнина, их эмергентное свойство, где целое не равно сумме частей [17]. На сегодняшний день нередка ситуация, когда об аспекте мы можем сказать больше, чем об отдельных признаках — компонентах его формулы. Фактически во всех предыдущих работах РГ и её отдельных представителей, как и в настоящей статье, понятия о классических аспектах используются наравне с понятиями о признаках Рейнина.

Как уже было сказано, в качестве материала настоящего исследования используются литературные произведения М. В. Добужинского. Выбор в качестве литературных источников именно текстов-рефлексий на данном этапе исследования сделан, исходя из приоритета надёжности диагностики ТИМа перед степенью исторической значимости тех или иных событий бытийной и творческой биографии художника. Используя в дальнейшем полученную версию ТИМа в качестве аргумента, можно будет в других отдельных исследованиях подробнее рассмотреть проекции ТИМа на разные проявления творческой профессиональной деятельности. В настоящей статье повторён принцип сочетания текстов, описывающих события синхронно и ретроспективно, использованный в статьях об И. Э. Грабаре и А. Н. Бенуа. В качестве «синхронного» источника используются подборки писем М. В. Добужинского, изданные в 1994 и 2003 гг. [5, 12] В качестве «ретроспективного» источника использованы воспоминания, написанные им в 1920—1950-х гг. и изданные в России в 1989 г. [11] Объём исследованных писем составил 296 страниц (117 тыс. слов), объём мемуаров — 309 с. (132 тыс. слов). Также в ходе работы были проанализированы высказывания современников о М. В. Добужинском, в том числе изданные в 1997 г. специальным сборником [7]. Опыт анализа этого типа литературных источников позволяет утверждать, что свидетельства современников в целом дают верные ориентиры для определения ТИМа, но содержат и искажения, обычно вполне закономерные, связанные с ТИМом автора текста. Достаточный объём доступных высказываний самого М. В. Добужинского позволяет использовать воспоминания современников в качестве вспомогательного материала.

Нелишним будет описать здесь технику проведения исследования с точки зрения оценки его результата и передачи опыта. Эта техника в основных чертах сложилась в ходе работы над двумя предыдущими статьями; большая чёткость и последовательность в проведении этапов настоящего исследования позволила отдать сэкономленное время более подробной разработке отдельных моментов. В то же время следует подчеркнуть, что техника проведения исследования, представляет собой, по отношению к методике, более частный вопрос, допуская разные варианты, в зависимости от задач работы, наличных технических средств, личных особенностей автора etc. Проведённое исследование включило в себя следующие этапы:

1) Предварительное знакомство с культурным контекстом эпохи, с содержанием некоторых из исследованных текстов, изобразительным творчеством М. В. Добужинского (проведение этого этапа относится приблизительно к началу—середине 1990-х годов).

2) Выявление в текстах ряда законченных по смыслу высказываний — основного массива единиц контент-анализа, предварительный вывод о ТИМе по наиболее чётко поляризованным шкалам. На этом этапе работы использовались бумажные карточки (по одной на признак или на какое-либо проявление признака), на которых отмечались координаты нахождения в тексте найденных высказываний.

3) Выписывание выявленных законченных по смыслу высказываний и их распределение по шкалам (один компьютерный файл — один признак или одно из его проявлений). Выявление пропущенных при первом проходе текста единиц контент-анализа, выбраковка ошибочно включённых.

4) Оценка количественных и качественных соотношений в употреблённой лексике, характеризующих степень доминирования—подчинённости в текстах информации из известных аспектов; анализ высказываний на тему «внешность человека». Результаты этого этапа исследования заносились в специальные таблицы (см. приложение).

5) Анализ отрывка текста длиной около 7000 слов по параметрам длины и структуры предложений, соотношения глаголов и других частей речи. Исследуемый отрывок текста был полностью заведён в компьютер и разбит, для удобства обработки, на отдельные предложения. Сами подсчёты были проведены при помощи одной из стандартных офисных программ. Точно так же, для сравнения, был проанализирован аналогичный по длине, жанру, времени и обстоятельствам написания отрывок текста другого автора, И. Э. Грабаря.

6) Анализ в совокупности полученных результатов, окончательный вывод о ТИМе.
Составление текста статьи.

В статье приняты следующие условные обозначения: курсив — цитируемый текст; **жирный шрифт** — выделено автором статьи в его же тексте; **жирный курсив** — выделено автором цитируемого текста; курсив с подчёркиванием — выделено в цитируемом тексте автором настоящей статьи. В квадратных скобках — купюры в цитируемом тексте, сделанные издателями текстов или автором настоящей статьи, а также ссылки на литературные источники.

3. Контент-анализ: описание проявлений признаков

В соответствии с используемой методикой, для уверенного суждения о ТИМе необходимо выявление достаточно чёткой поляризации, по крайней мере, в шести из следующих шкал:

Экстраверсия — интроверсия;
Сенсорика — интуиция;
Логика — этика;
Рациональность — иррациональность;
Статика — динамика;
Квестимность — декларативность;
Позитивизм — негативизм;
Стратегия — тактика;
Результативность — процессуальность;
Конструктивизм — эмотивизм;
Беспечность — предусмотрительность;
Решительность — рассудительность;
Демократизм — аристократизм;
Субъективизм — объективизм;
Упрямство — уступчивость.

Логико-сенсорный экстраверт, в соответствии с теорией, кроме того, является рациональным, динамиком, квестимом, негативистом, тактиком, процессуальным (эволютором), эмотивистом, предусмотрительным, рассудительным, аристократом, объективистом и уступчивым.

3.1. Экстраверсия (шкала экстраверсия — интроверсия)

Экстраверсия и интроверсия — установки психики, противоположные друг другу по критерию главенствующей ориентации человека, соответственно, на внешний мир, одним из объектов которого он является, или на явления собственного субъективного мира [17]. Сходные определения можно встретить и в несоционических источниках [21]. Собственное суждение для экстраверта имеет меньшую ценность по сравнению с информацией из внешнего мира, для интроверта — большую. В конкретных текстах, используемых для определения ТИМа, с точки зрения выраженности того или иного полюса данной шкалы, показательны устойчивые типы высказываний, характеризующих интенсивность обмена энергией и информацией с окружающей средой — более высокую — у экстравертов и более низкую — у интровертов.

3.1.1.1. Примеры называния высокой насыщенности времени внешними событиями (в том числе личными контактами) в качестве предпосылки хорошего психологического самочувствия.

- «На второй день в Мюнхене я очень соскучился без языка и пошёл искать русских студентов в Политехникум — я знал, что их там много. В конце концов, я попал в компанию, довольно симпатичную, и следующие дни посиживал с ними в кафе на Amalien

Schelle. Но я не подозревал, что как раз в это время в Мюнхен съехалось довольно много русских художников учиться живописи...»³ [11, 138].

- «Днём я не расставался с Бенуа, вместе завтракали и потом интересно гуляли по старым кварталам, на île S. Louis и около Пантеона. С ним так интересно. С ним же пошли к Кругликовой, где пили чай, а вечером я не знал, куда деться, — одному идти в театр или спектакль было скучно, пошёл опять к ним и посидел долго, меня проводили на автомобиле»⁴ [12, 129].

3.1.1.2. Примеры панорамных характеристик произошедших событий и круга личных контактов.

- «Учиться было легко, с удовольствием даже заучивал наизусть Овидия и Горация и без труда перешёл из 7-го в 8-й класс. Я продолжал много читать, кончил всего Достоевского, прочёл «Войну и мир» во второй раз и много романов Золя (особенно мне понравились «Œuvre» и «Ventre de Paris», а в 8-м классе увлечён был Жорж Занд и Гофманом. Но в общем я мало сидел дома и проводил время довольно легкомысленно и пусто, стал посещать балы в Офицерском и Дворянском собраниях, и у меня завязывались новые знакомства» [11, 106].
- «С Новым годом, дорогой мой папочка. Прошедший год помяну добром, в моей жизни было много хорошего и интересного, ведь был за границей, пожил в Вильне, узнал много новых людей и много работал»⁵ [12, 75].
- «Вытянутая поза утомляет, обедал у Станиславского вместе с Бенуа, а потом так захотелось какого-то ерундового развлечения — пошли с детьми Станиславского в два кинематографа! В общем, глупо. Вот и все мои впечатления, вот и все, кого я видел. (В пятницу был у Носовых Костя, показал ему потолок)»⁶ [12, 121].
- «Из Швеции мы решили ехать через Копенгаген назад в Берлин, но здесь меня убедили устроить выставку, а, кроме того, я так опять пленён, конечно, что по-американски моментально слетал обратно в Берлин за всеми моими вещами, и вот уже здесь я снова. Ровно неделя, и выставка уже открыта пять дней. Мне это понравилось — сделать как неожиданную эскападу, и внешне всё отлично и даже эффектно, в самом пуне Копенгагена, на площади Ратуши»⁷ [5, 108].
- «У меня, конечно, тысяча вопросов, между прочим, об «Аквилоне». Издал ли ты «Разбойников»? [...] Все мирискусники живут «солитёрами»⁸, перевидал всех, даже Ларионов у меня был»⁹ [12, 172].
- «Кончается моё пребывание в чудном Париже! Я всё-таки устал, слишком много впечатлений, и я работал довольно много, и всюду побывал и развлекался.»¹⁰ [12, 173]
- «У меня пропасть огорчений и неприятностей, гл. образом, из-за денег, и, вообще, перспективы неважные. Всё приходится выцарапывать, очень это неприятно, чиновничество и формалистика. С другой стороны, огорчает и художественное, теперь я страдаю из-за костюмов, их слишком много, около 200, я все просмотрел, вышиврнул очень много дряни, делаю много новых»¹¹ [12, 179].

³ Первая поездка М. В. Добужинского в Европу состоялась летом 1897 г., после перехода на третий курс юридического факультета Петербургского университета. Динамика — см. п. 3.5.

⁴ Из письма Е. О. Добужинской от 4 июня 1914 г. Елизавета Осиповна Добужинская — жена художника. Динамика — см. п. 3.5.

⁵ Из письма к отцу от 2 января 1907 г.

⁶ Из письма к Е. О. Добужинской от 10 февраля 1913 г. В это время Добужинский работал над росписями в интерьерах дома Е. П. Носовой в Москве. Костя — К. А. Сомов, художник, член «Мира искусства», друг М. В. Добужинского.

⁷ Из письма к А. Н. Бенуа от 1 сентября 1923 г. Будучи профессором петроградской Академии художеств, Добужинский с апреля 1923 по апрель 1924 г. находился в заграничной командировке.

⁸ От фр. Solitaire — одиночками.

⁹ Из письма Ф. Ф. Нотгафту от 20 октября 1923 г. Ф. Ф. Нотгафт — историк искусства, коллекционер, один из руководителей издательства «Аквилон», с которым сотрудничал М. В. Добужинский.

¹⁰ Из письма Б. М. Кустодиеву от 14 ноября 1923 г.

¹¹ Из письма к сыновьям от 6 февраля 1924 г. В это время Добужинский работал над оформлением спектакля «Евгений Онегин» в Дрезденской опере.

- «В общем (ещё говорю о моём выставочном периоде), — я видел столько радушия, сколько не встречал в Риге. Я здесь имею мало знакомых, с эмиграцией, ты знаешь, я не хочу иметь ничего общего, моих литовцев здесь мало (но те, кого знаю, — милы), с латышск. художниками — мало общего. Да и вообще не было времени заводить знакомства¹² [12, 189].
- «Я завёл довольно много знакомств среди немцев и в театре (Рейнхардт), и среди художников, так что *ai courant* художественной жизни»¹³ [12, 191].
- «Мне все хором говорят, что я здесь найду всякую работу. Уже за это время я колоссально много людей повидал, неск. французов, и все страшно доброжелательны»¹⁴ [12, 199].
- «Брюсселем я очень доволен. Завязались знакомства и заказы. Но о последних ещё преждевременно говорить. Надо сделать! К одному (архитектурному) приступаю. Я очень стосковался по графике. Дураки, не хотят меня использовать! Но кое-что намечается. В общем, я всё время занят. Между прочим, 2 раза в неделю даю уроки композиции в одной школе, у меня около 20 учеников, и читаю им также лекции (области применения материала в искусстве). Не упускаю случая видеть выставки, их неисчислимое количество»¹⁵ [12, 206].
- «В 2 ч. ел блины у Шереметьевых (см. приложение). Тотлебены (родители) меня зовут к себе в имение. После блинов я пошёл спать домой и проспал до 7-ми часов!! Ибо и гадость это обжорство, и устал за прошлый день, который был рекордный: 1) Утром освещение декорации «Кром» (пожар и развалины). 2) Школа, 3) Обед в Метрополе с Ященко, 4) раскрасил и дополнил 10 костюмов для «Месяца в деревне», 5) Писал последнюю декорацию (1 осталась) «Тронного зала» — смерть Бориса, 6) с 8 до 10 беседовал с Жилинским и разобрали всю пьесу («Колокола» Диккенса) и сделали страшно много — главное нашли принцип. С ним страшно интересно! и 7) Снова писал в мастерской до 11-ти. Вчера же после спанья я в театре проработал до 12 ½ ночи»¹⁶ [12, 232].
- «У меня была интересная работа, взявшая всё лето и осень, — сделал в замечательном Нью Порте (ок. Бостона) для книги, посвящаемой этому месту, — резиденции америк. крезов (уже на склоне и превращающейся в «Вишнёвый сад») — невероятное количество (больше 100!) interior'ов, садов, парков и exterior'ов. От многого морщился, а многим и восхищался. Занят был ежедневно по неск. часов и никогда так не работал непосредственно с натурой в красках. От театра я «отдыхаю». В балете как-то неприятно...»¹⁷ [12, 279].
- «Присматриваемся и к русским эмигрантам, очень милые, очень радушные, но увы, все ужасно провинциальны. Куда же сравнивать с нашим нью-йоркским кругом (впрочем, есть и некоторая разница: тут совершенно не заметно наших добрых иудеев, даже точно чего-то недостаёт!)»¹⁸ [12, 282].

¹² Из письма Ф. Ф. Нотгафту от 12 ноября 1925 г. После принятия в 1924 г. литовского гражданства и отъезда из Ленинграда значительная часть жизни Добужинского стала проходить в поездках по европейским странам с выставками, лекциями, в поисках театральных и графических заказов. В письме речь идёт о посещении в конце 1925 г. Таллина и Тарту. Аристократизм — см. п. 3.15.

¹³ Из письма к Г. С. Верейскому от 18 февраля 1926 г. Г. С. Верейский — известный ленинградский художник-график, ученик Добужинского.

¹⁴ Из письма к Е. О. Добужинской от 30—31 мая 1926 г. В 1926 г. Добужинский переехал из Риги в Париж.

¹⁵ Из письма Ф. Ф. Нотгафту от 22 декабря 1926 г. Темы из семантического поля аспекта экстравертной логики — см. п. 3.3.

¹⁶ Из письма к Е. О. Добужинской от 13 февраля 1930 г. В 1929 г. М. В. Добужинский переехал из Парижа в Каунас, временную столицу Литвы, и начал работать в Литовском государственном театре. Елизавета Осиповна оставалась в Париже до ноября 1930 г. Экстравертная логика — см. п. 3.3.

¹⁷ Из письма к А. Н. Бенуа от 18 января 1946 г. С 1939 г. Добужинский жил в Нью-Йорке.

¹⁸ Из письма к А. Н. Бенуа от 15 января 1948 г. Добужинский передаёт впечатления о Вашингтоне. Аристократизм — см. п. 3.15.

- «Хотя тут много знакомых и приятелей, но, в сущности, одиноко, и всё лучшее осталось в Европе и в прошлом» [5, 189].
- «Мы всё больше свыкаемся с Римом, и всё большее образовывается знакомств очень приятных. Не остаться ли нам тут? И мы пока колеблемся между Римом и, конечно, Парижем, где наши чудные Стива и Лида и племянник Валерий со своей семьёй, хотя так изменилась вся парижская жизнь»¹⁹ [12, 304].

3.1.1.3. Примеры предпочтения разнообразного характера деятельности с включением множества объектов и с участием других людей.

- «Иные картины меня так пленяли, что я ходил в Эрмитаж как бы на поклонение им. Диапазон моих очарований был очень велик, всё расширялся, и вкус мой уже тогда делался эклектическим» [11, 127].
- «Особых юридических знаний эти канцелярские упражнения не требовали, и не стоило, конечно, кончать университет, чтобы вершить подобные дела, и меня удивляло, как люди могли посвящать всю жизнь такому скучному занятию» [11, 178].
- «Мои работы идут теперь в сфере театра. Я ужасно счастлив, что театр отнял меня от графики и «книжной» работы»²⁰ [12, 90].
- «И главное, я так рад, что открылась иная область («книга» надоела порядком) ...»²¹ [12, 93].
- «Я знаю одно, что искусство я люблю безмерно и нашёл в нём теперь несколько своих дорожек»²² [12, 94].
- «Намучился изрядно. Но ты знаешь моё упорство и работоспособность — я тут вошёл в раж, пришлось много работать самому, прошёл все декорации, сделал очень много бутафории (всю мебель на балу 2-м, и 1-м в посл. карт.) и много новых костюмов (около 70 по моим рис. и остальные 150 все мной корректированы). Помощники и исполнители моих эскизов были отличные. [...] В общем, я добился почти всего, что хотел, и столько работать физически, как этот раз за эти 3 месяца, кажется, ещё не приходилось»²³ [12, 181].
- «Последнее время, после всех моих путешествий, я очень упорно и регулярно работаю, даже не помню, когда я последний раз столько делал. Наконец, дорвался до масляной живописи. Меня укоряют, что это не «Доб», — пусть, меня тянет на новое, и не взял же я подряда на город или города, или месяцы в деревне! Париж так заражает, и то, против чего я вначале будировал, начинает меня самого пленять. Что ты скажешь, узнав, что я увлекаюсь фактурой?»²⁴ [12, 218].

3.1.1.4. Указания на быстрый темп, характерный для поведения и речи, интенсивный, нередко бурный характер физического и эмоционального взаимодействия с окружающей средой (пространством или людьми), в целом нетипичный для интровертов:

- «...я был оставлен без наказания за то, что раз, мчась сломя голову по коридору, угодил со всего маху в толстый живот директора; наказан же был тот шалун и «последний ученик», который затеял беготню. Но я ужасно перепугался и расплакался» [11, 75].
- «Читать успевал я мало, только с нетерпением ждал очередного номера «Вокруг света», где упивался «Островом сокровищ» Стивенсона и романом Райдера Хаггарда «Она», и, получив номер, с восторгом носился по комнатам» [11, 76].

¹⁹ Из письма к А. Н. Бенуа от 25—30 апреля 1954 г. В 1952—1957 гг. Добужинский жил, в связи с работой в разных театрах, в Париже, Риме, Милане, Лондоне.

²⁰ Из письма к отцу от 12—13 ноября 1907 г. К осени 1907 г. относятся первые работы Добужинского в театре — оформление постановок в петербургских Старинном театре и театре В. Ф. Комиссаржевской.

²¹ Из письма к отцу от 12—14 декабря 1907 г. В свою очередь, В. Л. Таланов считает «тяготение к «крупноблочной» логике, к масштабным идеалам и проектам» проявлением уступчивости [26].

²² Из письма к отцу от 23 декабря 1907 г.

²³ Из письма к Ф. Ф. Нотгафту от 5 марта 1924 г. Аспект экстравертной логики — см. п. 3.3.

²⁴ Из письма Ф. Ф. Нотгафту от 28 июля 1928 г. Комедия И. С. Тургенева «Месяц в деревне» — первый спектакль Московского Художественного театра, оформленный Добужинским в 1909 г. Его работа в этом театре продолжалась до 1917 г. Аспект экстравертной логики — см. п. 3.3.

- «*Освещение, впрочем, ужасное, как ни странно в таком великолепном театре, и я страдал и скандалил, и, вообще, зол до невероятности, но помощники мои — лучшие друзья — по-прежнему рабочие и портные, но не «начальство»²⁵* [12, 180].
- «*Виной театр, где — без передышки — делал какие-то турдефорсы и ставил незабавные рекорды быстроты, — всё это забирало меня целиком — писать было просто некогда — и в заключение измотало. Наконец, освободился и пишу*»²⁶ [12, 265].
- «*Я делаю всё время геройские вещи: за полдня успеваю делать декорации, и всё кончил вчера (в 12 ч. ночи), остались мелочи и только одна немножко большая вещь: пальмы*»²⁷ [12, 220].

В целом шкала «экстраверсия—интроверсия» характеризуется, по крайней мере, 8 законченными по смыслу высказываниями в тексте «Воспоминаний» и 27 — в тексте писем. Приведённые фрагменты текста дают достаточное основание говорить о чёткой выраженности полюса экстраверсии. В то же время следует отметить отличие картины проявлений, характеризующих данную шкалу, от той, что мы наблюдали на примере А. Н. Бенуа или И. Э. Грабаря [13,14]. Если в исследованных текстах М. В. Добужинского можно выявить отдельные случаи таких высказываний, как «примеры инициативного поведения в быту, исполнения роли лидера и организатора внешних контактов группы», а также «примеры высокой активности в распространении среди других собственной системы идей и знаний», то они уравновешиваются достаточным числом высказываний противоположного свойства. Эти противоречия имеют отношение к другим парам признаков, о которых речь впереди.

3.2. Сенсорика (шкала сенсорика — интуиция). Классические аспекты

Сенсорика и интуиция — функции психики, в рамках которых происходит обработка информации о свойствах объектов/ситуаций, соответственно полученной от органов чувств или недоступной непосредственному восприятию органами чувств. Если сенсорика является ведущей при построении первичных (перцептивных) образов, то интуиция доминирует при построении вторичных образов (представлений) [17].

Признаки сенсорика и интуиция являются компонентами четырёх классических аспектов информации, в формулы которых, кроме них, входят статика—динамика и решительность—рассудительность. Здесь мы имеем дело как раз с тем случаем, когда представления об аспекте более развиты и укоренены традицией использования модели А, чем об отдельных его компонентах. Задача разложения содержания аспекта на отдельные признаки, не полностью выполнимая в силу эмергентности аспекта, могла бы быть интересной в качестве штудии, но представляется не очень своевременной в рамках настоящего исследования. Для определения поляризации по данной шкале мы проследим, как представлено в тексте содержание каждого из четырёх классических аспектов информации, в образовании которых участвует признак, и затем сравним полученные результаты. В общем случае, комбинация доминирования/подчинённости аспектов, характерная для данного ТИМа, окрашивает речь двумя образом, проявляясь в том, что говорит человек и какими языковыми средствами он при этом пользуется [15]. В нашем конкретном случае сходные ситуации высказываний (написание художниками-современниками писем, мемуаров, записи в дневниках) определили довольно постоянный от одного автора к другому круг обсуждаемых тем. В зависимости от ТИМа меняется степень развёрнутости их обсуждения, количество высказываний по этим темам. Некоторые из них особенно показательны именно с точки зрения выявления поляризации в шкале «сенсорика—интуиция». Что же касается языковых средств (лексика и грамматические конструкции), то, как мы знаем, их выбор с точки зрения сильных и слабых аспектов проявляется в высказывании на любую тему. В известной степени исключение составляют деловые, технические, научные тексты; тексты, исследуемые нами, не входят ни в одну из этих категорий.

²⁵ Из письма к сыновьям от 5 марта 1924 г.

²⁶ Из письма к А. Н. Бенуа от 16 апреля 1938 г. Процессуальность — см. п. 3.9.

²⁷ Из письма к Е. О. Добужинской от 26 сентября 1928 г. Аспект экстравертной логики — см. п. 3.3.

3.2.1. Городская и природная среда, интерьер, пространственные предпочтения

Без описаний городской и природной среды, а также разного рода интерьеров не обходится ни один мемуарный текст; встречаются они и в переписке художников. Тема среды специфична для этой профессии и позволяет обсуждение на языке любого информационно-аспекта, в том числе и тех четырёх, что определяются шкалой «сенсорика—интуиция». С точки зрения этой шкалы, различие авторов текстов по ТИМам определяет выбор типов описываемых пространств, привязки описаний к ситуациям повествования, высказываемые предпочтения того или иного характера пространства и, конечно, аспектную специфику языка описаний. Так, в текстах авторов — представителей типа СЛЭ сниженное, в целом, внимание к интимным пространствам активизируется, если речь идёт о неких манипуляциях с ними (расширение, перестановка, переоформление). Языковые средства описаний (с точки зрения данной шкалы) в этом случае берутся из тем «Визуальное восприятие объекта» и «Постоянные физические свойства объекта» [15]. На примере текста А. Н. Бенуа (ИЭЭ, ▲□) мы видели предпочтение камерных пространств, довольно большое внимание к описанию бытовых интерьеров. При этом языковые средства описаний различны для разных типов пространства: ближнее пространство описывается на языке тем «среда обитания» и «ощущения, получаемые от органов чувств», для описания пространства города привлекаются языковые средства, специфичные для аспекта экстравертной интуиции (▲). Что же касается текстов М. В. Добужинского, то устойчивые особенности описаний пространства и пространственные предпочтения прослеживаются в следующих типах высказываний:

3.2.1.1. Примеры развитых характеристик вкусовых, обонятельных, внутренних, мышечных ощущений в качестве неотделимых параметров восприятия пространств (город, природная среда, интерьер):

- «На каменных лестницах с плоскими широкими ступенями (посередине была плоская широкая выемка, источенная ногами) всегда, даже в жаркие дни, был приятный холодок. Пахло кошками и кухонным чадом, наверное, как и в дни самого Аракчеева (дом был построен в 1820-х годах)»²⁸. [11, 7].
- «Когда шёл лёд, с моста восхитительно было смотреть на плавающие льдины, которые вкусно раскальвались пополам о мостовой бык, и казалось, что сам плывёшь вместе с мостом им навстречу. А когда под аркой моста проходил буксир, тянувший барку, и его дымящая труба вдруг загибалась назад, забавно было очутиться в тёмном облаке дыма, от которого першило в горле» [11, 7].
- «С отцом мы ходили на выставки и в Академию художеств, и в дом Бернардаки на Невском, где бывали передвижные выставки. Но мне меньше запомнились сами картины, чем волнующий запах лака и масляной краски на этих выставках, и отчётливо помню, как на одном пейзаже меня очаровали густые мазки краски на облаках и на небе, точно с каким-то шёлковым отливом»²⁹ [11, 31].
- «В сумерках по всем комнатам начинал бегать, смешно и быстро стучал ноготками своих лапок, мой ёжик Федя, и я забавлялся, трогая его острые иголки, и, когда он скатывался шариком, щекотал его мягкое и тёплое брюшко, причём он забавно фыркал» [11, 33].
- «Я с великим интересом следил за долгой и кропотливой работой моего отца, когда он по вечерам, засучив рукава, возился с этим ропшинским камнем и цементом — таким памятным остался запах этого цемента!» [11, 34].
- «Утром Василёк или другой наш денщик, Кузьма, он же повар, топил печи и всегда с грохотом кидал на пол вязанку берёзовых дров, от которых вкусно пахло морозом. И когда разгорались с треском дрова, и гудело в печке, в комнатах становилось ещё уют-

²⁸ В. П. Добужинский с сыном, до их переезда в 1887 г. в Кишинёв, занимали казённую квартиру в доме Михайловского артиллерийского училища на Арсенальной наб. у Литейного моста в Петербурге. Дом был построен в 1830-х годах.

²⁹ Дом Д. Е. Бенардаки (Бернардаки) в Петербурге — дом № 86 по Невскому пр., впоследствии дом З. Н. Юсуповой. Ныне в здании находится отделение Союза театральных деятелей.

нее» [11, 35].

- «В этих мирных комнатах была необыкновенная чистота, на окнах висели кисейные занавески, на подоконниках стояли горшочки с цветами, блестел навощённый пол и пахло яблоками» [11, 45].
- «В Орле, совсем как и в Новгороде, на огромной площади пахло сеном и дёгтем, под ногами были такие же гигантские булыжники, и меня поразил размах этого города: каменные солидные дома, обширные их сады, необыкновенного простора улицы, вдоль которых носились целые тучи пыли» [11, 110].
- «Там оказалось совсем прелестно! Высокие сосны, смолистый запах, шуршание гравия под ногами, шум серого моря... Было дождливое и сырое лето, но и дождик, и сырость были какие-то уютные...» [11, 104].
- «В вагоне пахло мужиком, смазными сапогами, махоркой, и каких только типов не приходилось видеть в 3-м классе...» [11, 110].
- «Эта «беседка» была всегда полна тени, и какой душистой, когда липы цвели! В дальней части сада всегда стояла сырость, туда еле пробивался солнечный луч — так тесно разрослись там старые клёны, а за садом выросла осиновая рощица, и я больше всего любил валяться там на траве между тоненькими стволами, где всегда было прохладней и дул ветерок, и глядел на трепещущую листву молоденьких осин»³⁰ [11, 114].
- «...я ходил к нему на Пушкинскую и часто даже оставался ночевать в его меблированных комнатах, где за обоями невероятно противно шуршали тараканы»³¹ [11, 132].
- «Что у вас в Вильне, есть холера? В Питере она косит порядком. У дяди Стаси ты, конечно, воображаешь, что происходит. Всё подвергается стоградусному кипячению, обсыпается хлористой известью и промывается карболкой. В Питере на улицах чистота. Воняет карболкой и лекарствами. Но всё-таки и посторонние запахи слышатся, совсем не лекарственные»³² [12, 29].
- «В осеннюю липкую слякоть и унылый, на много дней зарядивший петербургский дождик, казалось, вылезали изо всех щелей петербургские кошмары и «мелкие бесы», и я спешил пройти скорее угнетавшие меня места, подняв воротник до ушей и проклиная гнилую питерскую погоду, лужи и мокроту, забиравшуюся всегда в калоши» [11, 189].
- «Нас принял дымяный и пыльный, нехотя остывающий от жаркого дня Неаполь — огромный, раскидистый, утомивший меня за эти дни своей пышностью, контрастами и горячечной жизнью город» [11, 271].

3.2.1.2. Примеры описаний пространства с акцентом на деталях ближнего плана, доступных непосредственному телесному контакту, в том числе на поверхности земли или пола:

- «Междю стёкол клади белую вату (и было похоже, точно там лежал снег), и всегда по ней были разбросаны мелкие отрезки тонких разноцветных шерстинок (до чего это было наивно и мило) и ставились стаканчики с кислотой, чтобы не потели и не замерзали окна. Они всё-таки замерзали, и какие красивые узоры на них появлялись!» [11, 6].
- «Весной, в тёплые дни, на нашем пустынном дворе с каменной мостовой (между булыжниками пробивались чахлые травинки и листики ромашки) я играл с мальчиками соседних квартир...» [11, 6].
- «Мне очень нравились толстые нарядные перила моста и их зелёные русалки с рыбьими хвостами, которые держали в руках герб Петербурга, и, проходя, я всегда до них до-трагивался. Также я любил мимоходом погладить и страшную голову Горгоны на нижней решётке Летнего сада и храбро положить палец в её раскрытый зёв» [11, 7].
- «Детская была оклеена обоями с маленькими розочками, которые я рассматривал, лёжа в постели, и находил в них глазки и личинки» [11, 35].
- «Домики почти все были деревянные и чередовались с заборами с широкими щелями,

³⁰ Динамика — см. п. 3.5.

³¹ Меблированные комнаты — разновидность наёмного жилья в дореволюционном Петербурге. Различие с гостиницами, аналогичными по планировке и размеру комнат, состояло в том, что меблированные комнаты не имели прислуги. Соответственно, «меблирашки» были популярны среди небогатых одиноких людей.

³² Из письма к отцу от 13 августа 1892 г.

вдоль которых тянулись тротуары — изгнившие доски, поросшие травой и крапивой, в дождь хлюпающие под ногами» [11, 44].

- «В одну сторону от нашего дома улица вела к Сенной площади, замощённой круглыми гигантскими, отшлифованными временем, скользкими булыжниками, между которыми росла трава»³³ [11, 46].
- «А как интересно было под вечер смотреть сквозь железные прутья садовой решётки на непрерывную вереницу экипажей с нарядной публикой, которая катила по набережной мимо дачи на острова! Цоканье копыт, шуршание резиновых шин, только что тогда появившихся, а утром стук молотков (чинили шоссе) и особенный, петербургский запах сырости — всё одно с другим сливается в уютнейшее воспоминание осени на Каменном острове» [11, 65].

3.2.1.3. Примеры упоминания степени насыщенности пространства мелким декором в качестве критерия его оценки.

- «Однообразный пейзаж менялся мало, редкие деревни, которые мы проезжали, не радовали глаз, всё было удивительно бедно — соломенные и тростниковые крыши, серые избы с маленькими оконцами и крылечками, и нигде я не видел ни одного резного узора и даже наличника на окошке. Лишь кое-где колодезный журавль или одинокая растрёпанная ветла оживляли бедный деревенский силуэт. Я вспомнил Литву, её пейзаж возле Вильны и сравнивал: там везде в деревнях палисадники, всё лето полные цветов, высокие резные кресты у въезда в деревню, берёзы, ёлки, сосны и фруктовые сады»³⁴ [11, 112].

3.2.1.4. Примеры оценки привлекательности пространства по его сенсорному комфорту и благоприятности для здоровья.

- «Мы без труда нашли в Швабинге, мюнхенском Монпарнасе, на Арсисштрассе, две чистеньких и удобных комнаты у Herr Фишера, где и прожили всю ту зиму, — первое наше жилище. Комнаты были с самой мещанской обстановкой: бархатный диван с высокой спинкой, портьеры с помпончиками и, конечно, портрет Людовика II Баварского в золотой раме — олеография. Улица наша была скучноватая, но тихая...»³⁵ [11, 147].
- «Дачей очень и очень доволен. Замечательный чистый, ароматный от трав, сенокоса и цветов воздух, дети здоровеют; прекрасные прогулки. Проехав (на велосипеде) 4 версты, я блаженствую просто, уничтожаю с волчим аппетитом простоквашу и проч. снедь. Утром купаюсь в море»³⁶ [12, 83].
- «Мы живём в Baysmater'e, где хороший воздух, у нас сад и очень тихо, но пора и в природу. И мне кажется, что кончится тем, что очутимся в Дании, где поля с жаворонками и море с настоящими камнями, где царит обжорство, в противоположность Англии!»³⁷ [12, 132].

3.2.1.5. Примеры называния уютности пространства как его психологической характеристики

³³ Будущий художник родился в 1875 г. в доме деда по матери, Т. Е. Софийского, священника Михайловской градской церкви в Новгороде. У деда Мстислав проводил летние месяцы в 1870–1880-х годах.

³⁴ После окончания оперной певческой карьеры мать М. В. Добужинского, Елизавета Тимофеевна, переехала в деревне Семёновка в Тамбовской губернии, куда художник приезжал ежегодно в 1893–1914 гг. Литва, откуда происходит дворянский род Добужинских, известный с XVI века, была предметом романтического отношения в семье. В. П. Добужинский, полковник, а впоследствии генерал артиллерии, добился перевода на службу в Вильно в 1889 г.; Мстислав прожил в Литве с отцом до 1895 г., ежегодно бывал там в 1900–1910-х гг., постоянно жил в Каунасе в 1929—1935 гг.

³⁵ Основное художественное образование М. В. Добужинский получил в 1899–1901 гг. в мюнхенских школах А. Ашбе и Ш. Холлоши. Олеография — вид полиграфического многокрасочного воспроизведения произведений масляной живописи, распространённый во 2-й пол. XIX в., разновидность литографии. Для большего сходства с оригиналом типографские оттиски лакировали и подвергали рельефному тиснению. Так как в большинстве случаев олеография воспроизводила живописный оригинал грубо и искажённо, среди художников рубежа XIX—XX вв. слово «олеография» было ругательной характеристикой живописных произведений.

³⁶ Из письма к В. П. Добужинскому от 26 июня 1907 г.

³⁷ Из письма к А. Н. Бенуа от 1–2 июля 1914 г.

ки (в отличие от его сенсорной комфортности) в качестве важного критерия его привлекательности. Соответственно, для личного пространства желательна небольшая величина или деление большого пространства на небольшие подпространства.

- «Тут, в столовой, каждый день после нашего обеда, который мы кончали около 6 часов, папа читал мне вслух, иногда же это делалось и в кабинете, но в столовой почему-то слушать чтение было уютнее» [11, 37].
- «Эта комнатка была особенно уютной: там была большая голландская печь с белыми кафелями и медными отдушками, к которым примыкала низкая лежанка, покрытая ковром, куда меня тянуло притулиться»³⁸ [11, 45].
- «Мы переехали в город, поселились в новом доме на красивом Георгиевском проспекте, стало комфортабельней, но прежнего уюта не было, не было и сада» [11, 103].
- «Дом моей тётки был настоящий «барский», внутри всё было комфортабельно исолидно — тёмные, тяжёлые портьеры, старомодная мебель, особенно блестящий паркет, повсюду растения и цветы — от всего веяло домовитой, налаженной жизнью и уютом» [11, 110].
- «Место, где я жил, было очень «петербургское», на редкость уютное и тихое...» [11, 129].
- «Никогда не забуду этого времени — мая в Одессе — дивной зелёной луны, сладостного запаха белых акаций, наполнявшего улицы, и всех впечатлений южного города. Я нашёл уютную чистую комнату на Гулевой улице...»³⁹ [11, 144].
- «Рано утром, гуляя, попали на базар и очаровались цветочным рынком, где не было обычных криков, а слышалось лишь тихое перешибывание торговок, что показалось необыкновенно уютно!» [11, 158].
- «Действительно, была великолепна тёмно-синяя столовая Бенуа—Лансере с белыми пиястрами, с бирюзового цвета панно, с белой мебелью и тяжёлой хрустальной люстрой; был очарован овальный будуар Бакста с малиновым ковром, тонкими трельяжами и зеркальными стенами, и очень уютная «чайная комната Коровина с ткаными панно, изображающими осеннюю кленовую листву. Полуэтажом выше ютилась низенькая «светёлка», придуманная Головиным, в сказочном русском духе, с весело раскрашенной резьбой, с совами, райскими птицами и с большим лицом солнца на узорчатом потолке»⁴⁰ [11, 193].
- «В столовой за чайным столом с сушками, у самовара хозяйничала няня Дягилева, сморщенная старушка с бородавкой посередине лба (увековеченная Бакстом на одном портрете с Дягилевым), которая придавала столовой очень милый и неожиданный уют» [11, 199].
- «Рисовать было уютно, никто мне не мешал, только иногда скверно пахло в живописнейшем виленском «гетто», которое я больше всего облюбовал, — с его узенькими и кривыми улочками, пересечёнными арками и с разноцветными домами» [11, 195].
- «Очень скоро я начал бывать у Бенуа в его маленькой квартирке на Офицерской улице, где меня пленил её необыкновенный уют и тёплая семейственность» [11, 206].
- «Бенуа жил в старинной отцовской обстановке и среди семейных реликвий, что придавало его дому особенный патриархальный уют. Я понимал прелест подобной старины, где таится нечто от старой жизни, а что вещи имеют свою душу, мы с Бенуа это знали от Андерсена и часто говорили на эту тему» [11, 208].
- «Я полюбил самый театр с его круглым коридором, тёмным днём, покрытым коврами, где шаги были совершенно бесшумны. По утрам из далёких верхних фойе доносились экзерсисы и сольфеджио и придавали особенный уют этим рабочим утрам» [11, 248].

³⁸ В новгородском доме деда.

³⁹ Экстраверсия — см. п. 3.1.

⁴⁰ Выставка-продажа художественных обстановок интерьеров, к созданию которых были привлечены художники круга «Мира искусства», была устроена в 1902 г. в Петербурге на Морской улице «Современным искусством» — коммерческим предприятием В. В. фон Мекка и С. И. Щербатова под художественным руководством И. Э. Грабаря. В экономическом отношении предприятие закончилось неудачей.

- «Москва меня совершенно очаровала. Стояла снежная зима с крепким морозом и розовым солнцем, и я наслаждался прелестью московских переулков с уютными особняками и совершенно непохожей на петербургскую уличную жизнь Москвы — пёстрой, громкой, весёлой» [11, 216].

3.2.2. Гастрономическая культура

Описания еды — также постоянная, хотя, как правило, и не центральная тема в мемуарной литературе. В отношении языковых средств она довольно жёстко связана с языком аспекта интровертной сенсорики (O) (темы «вкус и обоняние», «потребности»), и принадлежность к ТИМу определяет количество и развёрнутость соответствующих высказываний. Что касается переписки, то на данной выборке художников (Россия, 1865–1875 гг. рождения) частота «обонятельно-вкусовых» тем является довольно случайным показателем, зависимым как от адресатов писем, так и от времени написания (в 1917–1921 гг. продовольственная проблема касалась всех живших в России, и еду вообще обсуждали чаще, чем в мирное время). В тексте «Воспоминаний» имеется 123 упоминания о еде (и вообще о вкусовых и обонятельных ощущениях). В абсолютном выражении это несколько меньше, нежели в аналогичном по жанру тексте А. Н. Бенуа, у которого таких высказываний 189. С учётом четырёхкратно большего объёма последнего текста, «Воспоминания» Добужинского в 2.6 раза превышают его по плотности упоминаний об еде и запахах. По развёрнутости высказывания этих двух авторов в целом находятся на одинаковом уровне. Очень заметная качественная разница между ними состоит в следующем: обонятельно-вкусовой феномен в характеристиках Добужинского — это одно-два простых точно и конкретно названных ощущения; Бенуа описывает всегда сложные и уникальные комбинации вкусов, запахов и звуков, не поддающиеся разложению на составляющие.

- «Наши ежедневные прогулки имели маленькую цель — чаще всего мы ходили в булочную Филиппова, на угол Невского и Троицкой, купить мою любимую слоёную булку, подковку с маком или тмином и солью или же калач (у него под клапаном я любил находить белую муку, и ручка его аппетитно хрустела). Иногда у Филиппова я лакомился пирожками с вареньем, капустой или грибами. К этому громадному и всегда страшно горячему пирожку полагалась бумажка, чтоб не пачкались от жира руки. Особенно приятно было съесть такой горячий пирожок в мороз»⁴¹ [11, 11].
- «Мы ехали в третьям классе. Вагоны Николаевской железной дороги были темноваты, с низенькими редкими окошками. Выбирал вагон почице и поновей — там приятно пахло лаком от свежевыкрашенных клейких скамеек. Сейчас же как усаживались, и пока поезд ещё стоял, я уже просил есть — у меня появлялся необыкновенный аппетит, и всё было как-то особенно вкусно — и пирожки, и холодный цыпленок или рябчик». [11, 40]
- «Через сад шла берёзовая аллеяка, и росли корявые яблони. На одной, совсем старой, зрели наливные яблоки, такие белые и сахарные, каких нигде больше не приходилось встречать». [11, 43]
- «Я любил забираться в наш огород, где приятно было полакомиться прямо с грядки маленькими колючими огурчиками или морковкой, которая пахла землёй». [11, 43]
- «Наш сад, который летом стоял весь в розах, теперь был полон фруктов: у нас зрели райские яблочки, черешни, вишни, абрикосы и росло развесистое дерево с грецкими орехами — на него я любил забираться, чтобы срывать их зелёными для замечательного няниного варенья. Няня научилась также изготавливать в совершенстве засахаренные фрукты и пастилу — не хуже знаменитой киевской «балабухи», а её варенье из лепест-

⁴¹ Ср. с характеристикой выпечного изделия, данной представителем ИЭЭ: «А кто же мог остаться равнодушным к этим кренделям, раз отведав их? В меру сладковатые, пахнувшие не то кардамоном, не то ванилью, изумительно белые внутри, изумительно ровно бурые снаружи, они, попадая кусочками в рот, наполняли всё существо каким-то особым, ни на что не похожим и прямо-таки «благороднейшим» блаженством. Вероятно, пеклись они особым образом и по древнему рецепту, сохранившемуся со шведских времён» [3].

ков роз было настоящая амброзия. Вообще гастрономических удовольствий было много» [11, 81].

- «В городок мы порой ходили кое-что купить (помню замечательную салами, которая продавалась в лавке вместе с верёвками и сбруей). Или посидеть в кофейной на тенистой площади, возле старинной башни. Из маленьких домов иногда слышались цимбалы, что бывало по вечерам очень поэтично. В городе была старая гостиница с большим двором и решётчатыми балконами. Оттуда одно время нам домой доставляли очень вкусные обеды, настоящие венгерские, — гуляш с паприкой, лапшу с орехами и шафраном и другие удивительные пряные и медовые блюда» [11, 159].
- «На этом же базаре наша толстая Шнитко-Нени продавала в плошках студень из телячьих ножек, который она варила в своей кухне, и всю ночь виднелся свет. Но как она нас ни угощала, мы не решались отведать этого варева» [11, 159].
- «Как мне памятны эти обеды среди милого общества друзей, в пылающий полдень, лакомые и обильные, с необыкновенной «минестрой», оливками, фигами, миндалем и непременным кианти в соломенной бутылке». [11, 259]

3.2.3. Автор и его современники: внешний облик

В своих мемуарах М. В. Добужинский характеризует персонажей с точки зрения внешнего облика 216 раз. В этом отношении они ненамного уступают «Моим воспоминаниям» А. Н. Бенуа с 264 описаниями, при том, что объём последнего текста в 4 раза больше. Учитывая, что оба художника, работая для театра, активно занимались одеванием людей, указанное различие показательно со стороны их различия по шкале «сENSORика-интуиция»: у Бенуа больше персонажей, внешность которых не описана. Так, Добужинский более подробно описывает анонимных типов петербургской городской жизни или тамбовской деревни, замечательных, на его взгляд, с точки зрения характерного типа костюма. Более того — у Добужинского в изобилии представлены описания костюма отдельно от человека, не включённые в названное выше число, — это разного рода униформы (гимназистов, студентов, военных).

Из каких внешних формальных признаков складываются описания внешности персонажей мемуаров Добужинского? Их распределение представлено в таблице 1; в двух столбцах таблицы для сравнения дано распределение признаков в аналогичных по жанру текстах А. Н. Бенуа и А. П. Остроумовой-Лебедевой.

Из таблицы хорошо видно смещение акцентов в описаниях сенсорных типов в сторону большей детализации: у Бенуа относительно несколько больше упоминаний общих габаритов фигуры, характера движений и походки. В свою очередь, описания Добужинского и Остроумовой-Лебедевой впереди по подробным описаниям костюма. Также, с точки зрения шкалы «сENSORика—интуиция» показательно заметное превышение в тексте представителя типа ИЭЭ относительного числа характеристик внешности через образ, а также через точное или примерное указание возраста.

Некоторые заметные из таблицы различия в описаниях внешности разных мемуаристов, очевидно, связаны с другими шкалами признаков Рейнина, а также с несоционическими факторами. По относительному количеству упоминаний мелких деталей описания Добужинского превосходят характеристики не только представителя интуитивного типа, но и СЛЭ. В первую очередь, выделяются подробные характеристики костюма, включая знаки отличий и мелкие детали (кокарды, пряжки, пуговицы, погоны и т. д.) Эта особенность значима с точки зрения признаков логики-объективизма-аристократизма, и её значимость, о чём можно судить по таблице: униформа в целом (даже если не указаны знаки отличия) также представляет собой ничто иное, как большой по размеру знак, указывающий на принадлежность человека к той или иной формальной группе. У представительницы типа СЛЭ большая доля характеристик, указывающих на более цельный характер восприятия: форма головы или лица, цветовая характеристика, общая оценка привлекательности внешности. Эта особенность имеет соответствие в различии характера изобразительного творчества художников (живописный портрет в технике акварели в 1920–30-х гг. занимал ведущее место в

творчестве Остроумовой-Лебедевой), и, вероятнее всего, имеет отношение к шкале конструктивизм—эмотивизм.

Таблица 1.

Параметры описаний внешности человека	M. Д. (■○)	A. Б. (▲□)	A. О. (●□)
	абс.	абс.	абс.
	%	%	%
Общие габариты фигуры: рост и характер телосложения (высокий, полный, худой и т. д.)	89	150	50
	41.2	56.8	48.5
Усы, борода, бакенбарды (или их отсутствие)	83	104	8
	38.4	39.4	7.8
Волосы (или их отсутствие)	69	57	36
	31.9	21.6	35.0
Возраст (точно или приблизительно)	40	83	21
	18.5	31.4	20.4
Общая характеристика внешности через сходство с историческими или литературными образами или через понятие целостности	39	159	23
	18.0	60.2	22.3
Костюм	78	69	33
	36.1	26.1	32.0
В т. ч. описания, включающие более 2 (3–10) формальных признаков	44	15	15
	56.4	21.7	45.5
Преобладающее выражение лица	37	63	35
	17.1	23.9	34.0
Общая оценка привлекательности внешности (красивый, некрасивый и пр.)	32	91	40
	14.8	34.5	38.8
Глаза	32	44	47
	14.8	16.7	45.6
Осанка	26	27	3
	12.0	10.2	2.9
Знаки отличия	26		
	12.0		
Нос	25	38	9
	11.6	14.4	8.7
Форма головы или лица	22	34	21
	10.1	12.9	20.4
Очки, пенсне	20		
	9.3		
Общая цветовая характеристика	14	20	25
	6.5	7.6	24.3
Походка или характер движений	12	45	14
	5.6	17.0	13.6
Родинки, шрамы	8		
	3.7		
Щёки	7		
	3.2		
Брови	6		4
	2.8		3.9
Губы	5	17	8
	2.3	6.4	7.8
Зубы	4		

- «Агафангел же Иванович носил сюртук Военно-медицинской академии с чёрными пого-нами, украшенными по диагонали двумя серебряными полосками, и был вооружён ник-чёмной шашкой (смеялись, что в ножнах у этих студентов вместо клинка должен быть клистир)» [11, 71].
- «С переводом в другую часть армии отец, как полагалось, имел право несколько месяцев донашивать прежнюю форму, в данном случае, адъютантскую, и, пока не сменил её на общеартиллерийскую (с чёрным бархатным окольшем, воротником и золотым «прибо-ром»), первое время щеголял в этой красивой форме с белыми кантами и серебром» [11, 78].
- «Наши чёрные форменные рубашки с двумя серебряными пуговками на воротнике после серых кишинёвских казались мне даже нарядными; некоторые франты (хотя быть одетым не по форме запрещалось) носили куртки без пуговиц — на манер «австрий-ских» — это почему-то допускалось. Появились тогда, вероятно, впервые и «белопод-кладочники», носившие в классе наш синий однобортный мундир нарочито укороченный и, как в кавалерии, на белой шёлковой подкладке, что тоже разрешалось» [11, 84].
- «Меня огорчало, до чего крестьянская одежда была прозаична: сарафанов тут и в по-мине не было, мужчины носили посконные рубахи, редко цветные, на головах засаленные картузы блинном, лапти же почти не встречались — обычно ходили в высоких сапогах. А парни в праздники, несмотря на жару, для пущего франтовства носили ещё поверх этих сапог блестящие резиновые галоши» [11, 120].
- «Я так ясно помню тогдашний юный облик моей жены, особенно в рамке этого осенне-го парка. Она всегда была одета с «петербургским» вкусом в тёмно-синее, носила ма-ленькую изящную шляпку с вуалькой в чёрных мушках и белые перчатки. Часто на ули-цах я видел, как она обращает на себя внимание, выделяясь как иностранка» [11, 154].
- «Там разгуливали элегантные офицеры в своих нарядных формах, где были сочетания кофе с молоком, бирюзы, кирпичного цвета с небесно-голубым или тёмно-синим, и дамы под зонтиками в светлых летних платьях. В парке был ресторан, по вечерам освещён-ный лампионами, где мы иногда слушали музыку цыганского оркестра. Цыган-дирижёр (с розовым галстуком!) играл на скрипке...» [11, 160].

3.2.3.1. Примеры высказываний, характеризующих интерес к собственному внешне-му облику и его постоянному поддержанию в хорошем состоянии, а также приоритетное внимание к функциональной (удобно—не удобно) стороне костюма:

- «Форменную же одежду нам отлично шил кудрявый высокий Гуз, живший в старинном узком доме, вплотную примыкавшем к костёлу Св. Яна, так что у него слышны были звуки органа. Я не очень любил к нему заходить на примерку, потому что в его комна-тах очень терпко пахло кухней, и я на него сердился, так как он норовил шить «на вы-рост», а я хотел франтить» [11, 96].
- «Потом вот ещё, папочка, хотел тебя просить. Не сделаешь ли мне штанов? С января ношу и зело изгадил, или же сделай мне тужурку серую, моя, чёрная, совершенно непоз-волительна, даже дома нельзя носить. А теперь позволено носить тужурки в универ-ситет, что очень удобно, а то приходилось стягиваться сюртуком. Если закажешь — пусть петлицы сделают тёмно-синие — большие нравятся» [12, 34].

В воспоминаниях нескольких современников Добужинского подчёркивается привле-кательность его внешности, достигавшейся не только благодаря хорошим природным внеш-ним данным.

- «Он выгодно отличался своей красивой внешностью, холёной бородкой, подстриженной лопаткой, опрятным костюмом и изысканными манерами от нашей довольно просто-ватой и слегка распущенной компании»⁴² [8, 137].
- «Высокого роста, элегантность, подтянутость, красивая постановка головы на нико-гда не сникающей и не прогибающейся шее. Неизменная подтянутость, чистота и

⁴² Высказывание И. Э. Грабаря (СЛЭ) относится к мюнхенскому периоду (1899—1901 гг.)

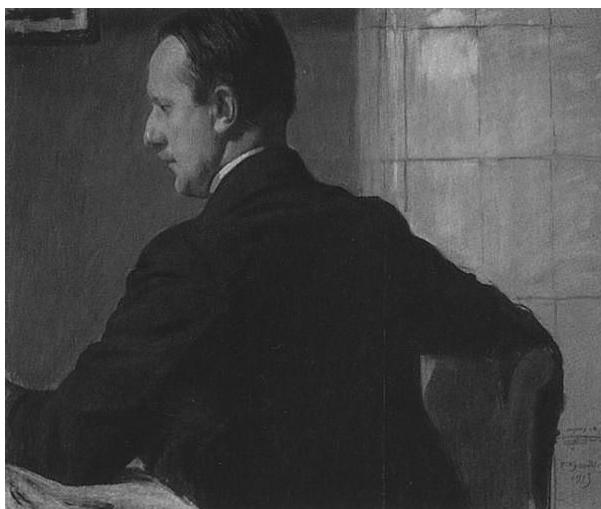
строгость в одежде. Это было неуклонным правилом его даже в то время, когда большинство интеллигенции немного «распустилось» и одевалось крайне небрежно. Никогда я не видел Добужинского в подтяжках, в туфлях на босу ногу, это всё не было его стилем»⁴³ [7, 51—76].

- *«И вот на фоне этих курток и меховых жилеток появился Добужинский... в смокинге. [...] И вот он предстал во всесиянии белого крахмального плаstrона, чёрного без единой пылинки смокинга, и в довершение всего, небрежным жестом, не глядя, между жилетом и крахмальной грудью был втиснут ало-красный шёлковый платочек!» [7, 51—76].*

3.2.4. Вхождение в профессию

Тема вхождения в профессию, начиная с первых детских рисунков, постоянна в мемуарах художников и показательна в отношении принадлежности к ТИМу, в том числе, с точки зрения дихотомии «интуиция—сенсорика». Определяя ТИМ И. Э. Грабаря, высказывания о раннем проявлении интереса к копированию, к изображению с натуры, и, наоборот, об отсутствии интереса к изображениям «от себя», мы приняли в качестве аргументов в пользу доминирования сенсорного полюса. Соответственно, высказывания А. Н. Бенуа об относительно позднем возникновении интереса к изображению с натуры и предпочтении в детстве рисования по воображению были приняты нами как аргументы в пользу доминирования интуитивного полюса. Если оценивать по этим же критериям описание собственного детского опыта М. В. Добужинским, то оно представляет собой неоднозначную картину. Сообщения о занятиях по собственной инициативе копированием и изображением простейших бытовых предметов (12-летнему интуитивному, вероятнее всего, это показалось бы скучным) свидетельствуют скорее в пользу доминирования полюса сенсорики. Впрочем, в тексте имеются упоминания и о рисовании по воображению.

- *«Лет с десяти я стал срисовывать картинки из иллюстрированных журналов, большей частью это были пейзажи. Иногда я придумывал собственные краски. У меня точный глаз и чувство пропорций были врождёнными, и рисовалось легко» [11, 29].*
- *«Рисовал я, впрочем, несколько больше, чем в Кишинёве, продолжал делать копии. Тогда же один из товарищей попросил меня срисовать ему из «Нивы» портреты героев войны 1812 г., и, исполнив этот «заказ», я увидел, что мне очень легко даётся сходство» [11, 86].*



Б.М.Кустодиев. Портрет М.В.Добужинского

3.2.5. Физическая активность

3.2.5.1. Примеры развёрнутых характеристик внутренних и мышечных ощущений, через посредство которых происходит эффективная подстройка собственного тела под окружающую среду (см. п. 3.2.1.1).

- *«С тех пор я приучился путешествовать, и провести три, даже четыре ночи в вагоне мне ничего не стоило, предаваться же сну я мог в любой позе, и даже, чем более она была неудобна, тем сон слаще» [11, 110].*
- *«Первые дни в деревне я был как бы раздавлен (это ощущение повторялось и ещё сильнее и позже, когда я приезжал из Петербурга). Я был почти болен от озона и тишины. Она пугала меня, и я начинал слушать биение собственной крови, не мог спать. Лишь*

⁴³ Из воспоминаний В. А. Милашевского о Петрограде 1918—1921 гг.

понемногу я «отошёл» и стал действительно наслаждаться природой и этой тихой мирной жизнью, которая обнимала меня» [11, 114].

- «Увидев меч в моих руках, Добужинский мгновенно почувствовал, что я ощащаю меч как некое инородное тело.

— Не курите ли Вы трубку? — спросил он меня.

— Нет, не курю.

— А трость у Вас есть?

— Нет, — не понимая этих вопросов, отвечал я.

— Я думаю, что у Вас есть какая-нибудь вещь, которой Вы пользуетесь каждый день. Представьте себе, что этот меч — та самая вещь, без которой Вы не мыслите обойтись. Ведь для рыцаря меч не является украшением костюма, он составляет часть его самого. Меч — это Ваше продолжение.

Говоря это, он взял меч, и я увидел, что этот предмет, тяжёлый и неуклюжий для меня, превратился в его руке в лёгкое и необходимое её продолжение⁴⁴ [7, 83—96].

3.2.5.2. Примеры описаний успешного (нормативного) овладения физическими навыками, требующими уверенного владения собственным телом:

- «Мы с ним объезжали окрестности и в бричке, и верхом, и однажды меня мой конь сбросил на землю через голову, но неожиданное сальто-мортале обошлось благополучно, а отец меня уверил, что тот не ездок, кто ни разу не падал с лошади» [11, 141].

3.2.6. Время

Временными координатами как текст «Воспоминаний», так и переписка, насыщены в достаточном изобилии, главным образом, в виде кратких нейтральных упоминаний дат или длин временных отрезков. Имеются отдельные примеры характеристики момента времени с использованием нескольких шкал, подобные тем, что в большем разнообразии встречаются у А. Н. Бенуа. При сравнении мемуарных текстов ЛСЭ и ИЭЭ хорошо заметно характерное различие в упоминаниях небольших отрезков времени: ИЭЭ называет много таких отрезков времени, которые он, в силу обстоятельств, не мог измерить, а оценил исходя из уверенного чувства времени, а ЛСЭ называет лишь те, что специально измерил с помощью часов. Вообще, момент времени или продолжительность периода как точная величина входит и в семантическое поле аспекта экстравертной логики.

- «С Потёмкинской до гимназии было очень далеко: я шёл по Кирочной до Литейного пешком, а дальше ехал на медленной конке. Всё это путешествие брало $\frac{3}{4}$ часа» [11, 84].
- «Было удобно, что министерство находилось близко от нашего жилища в Измайловском полку, всего в двенадцати минутах ходьбы (я дорожил каждой минутой утреннего времени и высчитывал это)⁴⁵. [11, 177].
- «Дедушка вышел в отставку, прослужив пятьдесят лет, и я восемилетним присутствовал на его юбилее — был 1883 год» [11, 58].
- «Анна Фоминична умерла совсем молодою, и это была первая смерть, которую я видел в своей жизни (года за два до смерти дяди Феди Софийского). Мне было лет пять...» [11, 59].
- «Это было,,, в 1888 году, сиречь мой 40-летний юбилей я мог праздновать 2 года назад. Поздравьте. А вспоминаете ли Вы, что мы с Вами начали в 1907? В 1932 г. будет 25 лет!!»⁴⁶ [12, 232].

⁴⁴ Из воспоминаний актёра Г. М. Мичурина.

⁴⁵ В 1902—1909 гг. занятия искусством М. В. Добужинский совмещал со службой в отделе по отчуждению имущества канцелярии Министерства Путей Сообщения.

⁴⁶ Из письма Н. Н. Евреинову 1930 г.

3.2.7. Неявные свойства объектов

На выявлении неоднозначного, двойственного, парадоксального характера изображённых объектов построена существенная часть графического и театрально-декорационного творчества Добужинского. Сознательность использования такого рода образных ходов, экспрессивно-интуитивных по своей сути, нашла подтверждение в тексте мемуаров художника. В то же время, по количеству и степени развёрнутости высказываний на темы неявных или потенциальных свойств объектов текст Добужинского намного уступает тексту А. Н. Бенуа.

- «Эта способность видеть двойные образы (контрапункт, «криптограмма» — как угодно) была у меня как бы природной, и если бы это, так сказать, «двойное зрение» я в себе развивал, оно в дальнейшем могло бы дать результаты и непредвиденные» [11, 220].
- «Естественно, что в то время мне лично трудно было отдать предпочтение чему-либо одному — мне и то, и другое начинало быть интересным, — и такая двойственность во мне утвердилась и оставалась затем всегда в моём творчестве. В нём уживаются и «интимный реализм», как я его про себя называю, и одновременно — влечение к стилю, к гротеску и даже к абстрактному» [12, 166].
- «В сущности, я не должен был жаловаться: злачное место, куда я попал, давало как раз именно то, чего я ждал от казённой службы: тут действительно не было ничего общего с тем, чем был полон мой внутренний мир» [11, 176].
- «...всё это было лишь небольшой частью моей тогдашней жизни, а то, чем я жил за стенами министерства, и было самое настоящее. Но всё-таки эта двойная жизнь не мешала моему искусству. Даже, может быть, наоборот. Я носил в себе скрытый от других мой любимый мир, и в этом, конечно, была своя романтика. И как я зачитывался тогда Гофманом...» [11, 180]
- «То, что Вы теперь называете «организованность» художественного произведения, его крепость, связанность, наличие каркаса, скелета внутренней композиции, внутренний орнамент, наконец, [...] что целомудренно пряталось, и лишь просвечивало сквозь реальность форм и зрило было лишь посвящённому глазу. И я помню, как была мне дорога у других и у себя эта скрытая формула, как криптограмма, которая понятна была только тем, кто с нами»⁴⁷.

3.2.8. Метафоры

Особенность проявления сильной функции в речи состоит в характере метафор, связанных с образными полями, специфическими для соответствующего аспекта информации.

3.2.8.1. Примеры характеристики неживых объектов через уподобление образам растительного и животного мира, метафоры, связанные с едой, физиологическими процессами.

- «Но и после этого паровоз ещё долго пыхтел, и вагоны толкались буферами, пока наконец, учащённо дыша и дымя толстой трубой, машина не трогалась дальше» [11, 40].
- «Я всё ещё не могу освоиться с той мыслью, что я в Париже, дорогой мой папа. В самом Париже, сердце Европы, пуне Земли до некоторой степени. Идёшь по мосту через Сену, мелькнут вдали башни Notre Dame — тут и толкнёт тебя: да ведь ты же в Париже. Сижу на империали конки и глотать не успеваю всё, что проходит перед глазами....» [12, 63].
- «...всё это было счастливейшей почвой общего искреннего подъёма и не могло не дать в разраставшейся художественной жизни самые плодотворные ростки» [11, 216].
- «Явилось одно заманчивое предложение, я заключил условие, моментально с мамочкой поехали в Берлин за вещами, 2 ночи провели (туда и обратно) в пути, покончили с Берлином и вот [...] в самом пуне города, где всегда страшное оживление, как вы помните, — в прекрасном помещении было зало, залитое светом, с 10 ч. утра до 9 вечера открыта моя выставка (более 200 вещей). Устроил очень аппетитно»⁴⁸ [12, 166].

⁴⁷ Из письма к Ю. П. Анненкову от 28 августа 1950 г. Эмотивизм — см. п. 3.11.

⁴⁸ Из письма к сыновьям от 1 сентября 1923 г.

3.2.8.2. Примеры характеристики собственных настроений, отношения к чему-либо через вкусовые, обонятельные, осязательные, мышечные и пр. ощущения.

- «В Вильне старина как бы обнимала меня (даже в гимназии), и я жил среди разных преданий, связанных с городом, так же как и в моём детстве — в Новгороде» [11, 93].
- «Вступая в гимназические сени, я впервые ощутил тот «мороз», который меня и после часто одолевал в гимназии. Меня окатило холодом уже при виде важного в ливрее швейцара с медалью, открывавшего двери с медными прутьями» [11, 72].
- «Это была настоящая горькая и сладкая ностальгия» [11, 76].
- «Когда я вступил в этот «храм науки», мне всё показалось импозантным и серьёзным, но в то же время меня сразу окатило холодом: и этот бесконечный коридор, тянущийся вдоль всего здания, и громадный колонный актовый зал, и аудитории, многие из которых мне, увы, напоминали наши классы, — всё было буднично и казённо» [11, 123].
- «На моё письмо, где я подробно о всём написал, я получил восторженный ответ от Станиславского, который предвидел в дальнейшем много плодов от связи с «Миром искусства»... [11, 237].
- «Во всех этих чудаствах Ремизова в жизни и в смехотворных его рассказах большой весёлости для меня не было, даже многое бывало мучительным, как смех от щекотки» [11, 277].
- «Я ещё успел побывать в Москве и в Калуге и в подмосковных имениях, как и планировал, видел много забавного и прелестного (Калуга — объедение), и многое выяснилось лучше»⁴⁹ [12, 105].
- «Спасибо тебе, дорогой мой, и за частые письма, и за все посылки. [...] Как кстати подсластить печальные первые дни петербургские⁵⁰ [12, 115].
- «Я только не чувствую запаха в пьесе, она мне кажется пресной, и какой найти тон — не знаю. Одно только приятно: 3 картины происходят в природе (2 в доме), в имении»⁵¹ [12, 132].
- «Это так прекрасно! Точно Италия! В еврейских кварталах — удивительные домики с нахлобученными крышами, а предместье всё из голубых, зелёных, розовых, коричневых и лиловых домиков — объеденье⁵² [12, 163].
- «Успел покончить с «Кромвелем» и сделал ту графику, которую тебе вручит Замятин. Сей последний явно блаженствовал, говорит, что распух от впечатлений. Не удивительно! Одни Холомки чего стоят, но он видел не только интимную жизнь колонистов и их друзей, мы очень много ходили по деревням, были на празднике (вот была бы пища для Кустодиева!), в церкви, на свадьбе, угожаемы были туземцами их национальными яствами: яичницей с салом, бабашками, салом без яичницы, млеком и прочим. Наслушались удивительных рассказов не только от С. А., но и от самих действующих лиц. Были такие типы, такие разговоры, такие словечки, что наш молодой писатель ржал в сладострастии литературного восторга (я ему вторил). Все его записные книжки забеременили, и у него, кажется, уже «зашевелился плод⁵³ [12, 159].
- «Роскошно до одури и безвкусно до боли. Салат из ананасов, икры, устриц, бомбошек, варенья, мёда, орехов — крошево!⁵⁴ [12, 170].

⁴⁹ Из письма к А. Н. Бенуа начала июня 1910 г.

⁵⁰ Из письма к В. П. Добужинскому от 2 сентября 1911 г.

⁵¹ Из письма к А. Н. Бенуа от 1—2 июля 1914 г. Речь о пьесе Д. С. Мережковского «Будет радость», намечавшейся к постановке в МХТ.

⁵² Из письма к сыновьям от 20 мая 1923 г.

⁵³ Из письма к Ф. Ф. Нотгафту от 26 мая 1921 г.

⁵⁴ Из письма к сыновьям от 3—4 октября 1923 г. «Были в одном music hall'e (Folies Bergères). Вот где демонстрация настоящего такого Парижа, который я осудил. Удивительно изобретают разные театр. трюки (пена на лестнице — Бенуа тоже обалдел: как это сделано?), зеркала, в которых исчезают изображения; целые водопады и океаны роскошнейших материй; самые голые женщины, какие только существуют (люстры из сих особ — Бог знает, что такое?) — мясная лавка; умопомрачение (по Баксту, конечно, «10-е издание») — костюмы с плумажами, парчой и т. д. и т. д. — легион танцовщиц, и всё это зря, всё это распачлено самим глупейшим образом! Каждый из этих трюков в руках разумного художника мог бы быть действительно чудом».

- «Это до такой степени ужасно и в то же время убедительно (великолепные рисунки), что я целый день ходил, точно объелся нечистот и вдобавок кто-то поколотил⁵⁵ [12, 191].
- «Был я здесь в «Синей Птице» – чуши и клюква. Стошило⁵⁶ [12, 192].
- «Матисс сделал выставку рисунков — всё это «гениальное» блуждание карандашом одной линией — но острее, чем у кого бы то ни было, всё-таки, а его картины всегда, несмотря на повторения, вкусные «куски» живописи. Ван Донген пошиляк и нахал, меня тошнит от его шикарных портретов»⁵⁷ [12, 208].
- «Одно только меня, и тогда, и теперь, стесняет: то, что Вы пишете о Добужинском. Это, правда, было очень и очень давно, и это был другой молодой человек, — но, всё-таки, ничего не поделаешь — как-то щекотно...⁵⁸ [12, 274].
- «Я точно наелся мыла. Тем более мне было тошно, т. к. я вспоминаю нашу с Комиссаржевским постановку в City Center⁵⁹ [12, 316].
- «...совершенно потонул в постановке «Хованщины», а теперь мучают всякими неприятными «отрыжками её (какое же это отсутствие театральной культуры!)»⁶⁰ [12, 286].
- «Но я этим ослам натянул нос и намылил голову, выступив перед ареопагом в 12 человек, благо я теперь довольно свободен в английском...»⁶¹ [12, 286].

3.2.8.3. Примеры использования метафорических оборотов речи, связанных с водой или воздухом, — компонентами особых образных полей, характеризующими семантику интровертного и экстравертного интуитивных аспектов [15]. Особенность этого ряда метафор состоит в том, что вода и воздух рассматриваются как источники соответствующих организических ощущений.

- «Дни потекли в совершенно новой для меня обстановке, был я действительно совсем в новом для меня мире» [11, 14].
- «За эти счастливые несколько дней я по-настоящему «просветился»: после Мюнхена на меня пахнуло совсем новым духом в искусстве» [11, 169].
- «И как бы мне хотелось учиться и работать в Париже, дышать его воздухом и жить среди всей этой прелести, которую я впервые узнал» [11, 169].
- «Тут всплывали вопросы общего характера и часто возникали споры» [11, 199].
- «Он был тогда несколько «сырой» полноты, с «сочным голосом певца» (он долго и серьёзно занимался пением), в котором были «командирские» нотки и отпугивавший меня несколько «пиштовский» акцент»⁶². [11, 199].
- «Только немного отдохнуть и скорей окунуться в улицы, наглядеться, находиться до изнеможения!» [11, 260].
- «Прочтя стихотворение, он, точно спускаясь на землю, иногда говорил: “Вот” или “Всё”»⁶³. [11, 280].

В целом шкала «сенсорика—интуиция» характеризуется, по крайней мере, 80-ю за-конченными по смыслу высказываниями в тексте «Воспоминаний» и 33 — в текстах опуб-

⁵⁵ Из письма к Г. С. Верейскому от 18 февраля 1926 г.

⁵⁶ Из письма к Г. С. Верейскому от 18 февраля 1926 г.

⁵⁷ Из письма к Г. С. Верейскому от 16 февраля 1927 г.

⁵⁸ Из письма к М. А. Чехову от 5 мая 1944 г. Актёр и режиссёр М. А. Чехов, с которым М. В. Добужинский много сотрудничал, в то время писал и публиковал воспоминания.

⁵⁹ Из письма к В. И Франсу от 30 июля 1956 г.

⁶⁰ Из письма к А. Н. Бенуа от 5—17 марта 1950 г. В первые месяцы 1950 г. Добужинский оформлял постановку оперы М. П. Мусоргского «Хованщина» в Метрополитен-Опера.

⁶¹ Из письма к А. Н. Бенуа от 5—17 марта 1950 г. См. предыдущую сноску. Одна из «отрыжек» — судебный иск со стороны американского Союза театральных художников по поводу нарушения Добужинским принятого в США жёсткого разделения функций между дизайнером и исполнителями декораций. «В заключение я свои позиции удержал, и кончился этот балаган тем, что меня по очереди поздравили с «Хованщиной».

⁶² Речь идёт о С. П. Дягилеве в период начала 1900-х годов.

⁶³ Речь идёт об А. А. Блоке.

ликованных писем. Выявленный материал позволяет сделать заключение о доминировании в данной шкале полюса *сенсорики*. При этом аспект *интровертной сенсорики* (○) представлен в исследованных текстах как область уверенной ориентации, наиболее полного восприятия потока информации, включая полутона и оттенки, очевидно недоступные многим другим. Аспект *экстравертной интуиции* (▲) представлен как область заинтересованности, реализуемой с помощью систематических «переводов» на сильную функцию (*экстравертную логику*). Аспект *экстравертной сенсорики* (●) представлен на среднем для данных типов текста уровне, ограничиваясь нейтральными характеристиками входящих в него понятий, и, частично, как область избегания. Аспект *интровертной интуиции* (△) представлен в незначительном количестве высказываний.

3.3. Логика (шкала логика — этика). Классические аспекты

Логика и этика — психические функции, в рамках которых происходит обработка информации, соответственно, об объективных сторонах жизни (законах природы, социума) или об её субъективных сторонах (эмоции, чувства) [17]. С целью определения поляризации по данной шкале мы проследим представление в тексте содержания каждого из четырёх этических/логических аспектов информации, пойдя тем же путём, что и в предыдущем разделе. Некоторые из тем, постоянных в текстах-рефлексиях художников, абсолютно специфичны именно для данной шкалы — отношения между людьми, истории их развития. Показательны с точки зрения шкалы «логика—этика» темы архитектурной среды, характеристики своих творческих принципов и метода работы — всё это уже знакомо нам с другой стороны по предыдущему разделу. Наконец, о большей степени уверенности ориентации в том или ином виде информации, как и в предыдущем разделе, мы сможем судить по избыточному использованию языковых средств (лексики и грамматических конструкций) из соответствующих семантических полей.

3.3.1. Структура и её элементы

3.3.1.1. Примеры упоминаний элементов структурной упорядоченности в описаниях окружающей среды. В текстах М. В. Добужинского, как и в его изобразительном творчестве, прослеживается внимание к «общелогическим» параметрам симметрии-асимметрии, геометричности-живописности, упорядоченности групп предметов по размеру и форме. Экстравертно-логическая специфика описаний пространств в изученных текстах состоит в акцентировании координатных сеток, реально существующих в пространстве (забор, колоннада, орнамент, разметка земли, ритмичные звуки), большинство из которых не имеют чётко закреплённых начала и конца.

- «С нашего моста вечером (если я откуда-нибудь возвращался домой с моим папой) открывалось чудесное зрелище: по всем набережным Невы тянулись бесконечные ровные цепочки фонарей, и вдали их огоньки сливались в одну тонкую нить, которая всегда дрожала и переливалась, а когда было тихо на Неве, от каждого фонаря в воду опускалась острая и длинная игла» [11, 8].
- «Пушки были выстроены в порядке их роста, и оба симметричных ряда кончались маленькими пузатыми мортирами, которые особенно мне нравились. Интересно было рассматривать выпуклые украшения на дулах, колёсах и лафетах, гербы, ручки в виде дельфинов и непонятные надписи вязью» [11, 10].
- «Вернувшись в Петербург, я нарисовал нянино ухо, а в Новгороде очень тщательно изобразил восхитивший всех домашних целый вид из дедушкиного окна: забор с калиткой (на ней № 17) и за забором деревья и шпиль Десятинного монастыря» [11, 28].
- «В белом «зале» (белые обои с золотым узором), где красовался аквариум и зеленела наша домашняя флора, стояло фортепиано и довольно милая мягкая мебель, саритонне, обитая кирпичного цвета репсом с плоскими пуговками — единственная, кажется, у нас дань тогдашней моде» [11, 36].

- «*Сидя в вагоне, я любил слушать все эти железнодорожные звуки: уютные позвякивания и поскрипывания и ритмические стуки и перебои колёс, навевающие удивительные мелодии*» [11, 40].
- «*Иллюстрации в книгах и журналах я всегда рассматривал пристально. Большей частью это были по тому времени отпечатки тоновых деревянных гравюр, и мне было занимательно взглядываться в самые штрихи их, которые, то утолщаешься, то утончаясь, создавали, если прищуриться, впечатление разных оттенков тёмного и светлого*» [11, 30].
- «*Вдоль тротуаров, по всем улицам тянулись ряды высоких тополей, всюду бесконечные заборы — плетни, и веяло совсем новыми для меня какими-то прямыми запахами*» [11, 74].
- «*Дорога шла по бесконечным тамбовским полям, был июнь месяц, парило, и, наверное, небо было тогда в круглых белых барашихах. Телеграфные столбы шли в бесконечность, на их проволоках кое-где сидели ласточки или воробы и иногда висело мочало или клок сена...*» [11, 112].
- «*Меня удивляли замысловатые острые формы длинных оврагов, бегущих по склонам котловины, на дне которой текла эта речка, и я любовался шахматным узором разноцветных полей. Эти «скатерти» и «полотенца» ржи, гречихи, овса и плантации табаку — каждая имела свой цвет и, на языке художников, свою фактуру «поверхности*» [11, 122].
- «*Даже весь пейзаж изменился: сейчас же после границы пошли совсем другие дома, с высокими крышами, другие деревья, поля лежали разграфленными, как на чертеже...*» [11, 136].
- «*Я предпочитал с нашей 7-й Роты попадать на просторы Измайловского проспекта, на который выходила наша улица с другого конца. Там стоял ряд одинаковых зеленовато-белых кубов — казарм измайловских солдат с палисадниками, один как другой, и белела громада Троицкого собора с колоннами и золотыми звёздами на синих главах*» [11, 190].

3.3.1.2. Примеры структурирования информации при восприятии и передаче в форме списков, каталогов, реестров (равнозначных рядов предметов).

- «*Этим списком я усердно занялся, папа дал мне большой лист “александрийской” бумаги, на котором я нарисовал придуманный мной герб “Наутилуса” — золотого двуглавого орла и красного цвета девиз “М. А.”*» [11, 69].
- «*По Эрмитажу я ходил, как в потёмках, и руководствовался лишь единственным каталогом картин с очень скучными и сухими сведениями о художниках и «школах», составленным Андреем Ивановичем Сомовым, и этот каталог я самым тщательным образом изучал*» [11, 127].
- «*Кажется, ознакомился достаточно. Чтобы изучить досконально, мало смотреть, нужно и копировать, и литературу соответствующую проштудировать. Мне кажется, что именно для первого раза нужнее общий осмотр. Осмотр такой, как я делал, не беглый, ты увидишь по каталогам. Разумеется, я пропускал мелочи, но ведь я и в Эрмитаже не знаю столько картин*»⁶⁴ [12, 38].
- «*Всякой отсебятины при этом оказалось невероятное количество, я для курьёза сохраняю большой список её*»⁶⁵ [12, 302].
- «*Между делом, я давно уже помаленьку, и просто из любви к искусству, буквально, составляю списки современных русских художников, работавших и работающих в театре (Сов. Россию с 1924-5 г. я исключаю), и у меня очень большие пробелы, которые необходимо заполнить*» [12, 289].

3.3.1.3. Примеры называния повышенного внимания к деталям и подробностям в качестве постоянной усиленной, в сравнении с другими людьми, черты своего характера.

- «*Я нарисовал следующее, если Вам не надоедают этими мелочами...*»⁶⁶ [12, 70].

⁶⁴ Из письма к отцу от 13/24 июля 1897 г.

⁶⁵ Из письма к А. Н. Бенуа от 25—30 апреля 1954 г.

- «Не скрою, что не без смущения мне приходится говорить о себе — впервые, тем более, что, не зная рамок, в которых Вы предполагаете писать, я боюсь написать излишние подробности»⁶⁷ [12, 74].
- «Конечно, мне приятно внимание печати, но голова не очень сильно от этого кружится. Я рецензии собираю и довольно тщательно коллекционирую»⁶⁸ [12, 78].
- «Сижу дома, занимаюсь чтением французских романов, снабдился словарём, а занятие это меня очень увлекает — несомненно пользу извлеку — при выдержке, — это отличные уроки, а я немножко педантичен и незнакомые слова непременно отмечаю и стараюсь запомнить» [12, 84].
- «Наконец-то пишу письмо как следует быть, с намерением поподробнее, и надо спешишь (а то каждый день приносит новые впечатления), чтобы не забыть, хотя я стараюсь записывать многие мелочи»⁶⁹ [12, 164].

3.3.2. Техника и искусство

Названная в [15] тема «динамика объекта и управляемые процессы», включающая подтемы производства и технологии, оценку качества процесса, рабочие свойства объекта или человека как объекта, в текстах художников первой половины XX века проявляется себя в целом намного менее заметно, нежели в речи тех, кто родился хотя бы на поколение позже. В течение XX века большие изменения в языке произошли под влиянием научно-технической революции, отразившейся на содержании базового образования, не говоря уже о всеобщем распространении компьютерных технологий в последние десятилетия. Экспертный уровень обращения с информацией из темы «динамика объекта и управляемые процессы» проявляется в исследованных текстах следующим образом.

3.3.2.1. Актуальное для культуры первых десятилетий XX века противоречие между индустрией и искусством принципиально решается в пользу возможности плодотворного взаимодействия между этими двумя сферами, в то время как для художника поколения «Мира искусства» было возможным противоположное отношение к этой проблеме. В текстах мемуаров и писем не только прослеживается сознательный интерес к машинной эстетике, но из них становится ясно, что возник он ещё в детские годы. Проблема «искусство и индустрия» интересовала художника настолько серьёзно, что в 1930-х годах он не раз выступал на эту тему с публичными лекциями. Литературные высказывания художника на эту тему представляют собой параллель к широко известным его графическим произведениям, героями которых часто становились технические объекты.

- «Отец, всегдаща повода что-нибудь показать интересное или полезное для моего развития, однажды повёз меня на фабрику — «Невскую бумагопрядильню», на далёкий от нас Обводный канал, и я был восхищён стройными движениями машин и их ритмическими стуками и какой-то бодростью этого места, оно вовсе не было мрачным, наоборот, всё было залито светом, и мне улыбались приветливые лица ткачих» [11, 15].
- «Больше всего я любил рисовать витязей и рыцарей — в профиль и en face, разных чертей и сражения между добрыми и злыми ангелами (это было навеяно Доре!), любил машины и раз изобразил довольно сложную летательную машину, когда их ещё и на свете не было» [11, 27].
- «Я, не откладывая, нарисовал подробный чертёж подводного корабля и был очень горд, что изобрёл динамомашину с магнитами (вернее, подсмотрел в «Физике» Краевича, которую где-то достал Стася)» [11, 68].
- «Я провожу ту мысль, что не следует бояться машин, которые можно «оседлать», — что доказано уже в области книгопечатания. М. же не принимает ни конструктивиз-

⁶⁶ Из письма к А. Н. Бенуа от 4 октября 1905 г.

⁶⁷ Из письма к С. С. Глаголю от сентября—декабря 1906 г. Предусмотрительность — см. п. 3.12.

⁶⁸ Из письма к отцу от 25 февраля 1907 г.

⁶⁹ Из письма к сыновьям от 30/31 мая 1923 г.

ма, ни машинности и называет всё то, что «от этого» — «антиискусством»⁷⁰ [12, 191].

- «Наконец, Берлин, загородные будочки рабочих с шестами и флагами — целые городки. Трубы, странные новые сооружения фабрик, краны, электр. провода, и проч. мне любезные штуки. Точно во сне опять серые высокие дома вплотную к рельсам лезут снизу, балконы, цветы, бельё на балконах, на улицах под ж-д путями ломовые с огромными лошадьми, везущие бочки, велосипедисты, по дороге маленькие девочки приветливо машут поезду» [12, 165].
- «Эти индустриальные мотивы, которыми я так когда-то увлекался, и собственно у нас в России был ведь пионером этого (ты знаешь), — теперь меня не трогают (иногда, конечно, ахнешь, но и только) — на эту тему я очень многое хотел бы тебе рассказать, почему так случилось. Но вот тут, в этом прелестном месте, где мы сейчас, меня опять берёт «зуд» — какая красота это начало зимы!»⁷¹ [12, 297].

3.3.2.2. Примеры сконцентрированного употребления лексических средств, относящихся к теме труда, работы:

- «В нашем милом Мюнхене я занят впервые делом, которое действительно люблю. Только теперь, когда у меня раскрылись глаза на чудную область искусства, которое таким родным уже стало мне, я знаю сладость труда, труда не по обязанности и необходимости, а труда по любви, и знаю, что искусство останется со мной, оно всегда будет освещать мою жизнь, даже при постоянном труде»⁷² [12, 63].
- «Вот теперь бы как был бы кстати «Жупел». Только пока слишком много разговоров, а не дела, и разговоров в общем, сводящихся к российскому «разъедающему анализу» и скептицизму — а это не на пользу делу!»⁷³ [12, 67].

Вообще, необходимо отметить, что трудовая деятельность художника (включая технику работы, свойства материалов, организацию процесса) составляет настолько обычную, независимо от ТИМа, тему в переписке и мемуарах. Возможно, демонстрация различий по данной шкале путём специального выбора высказываний кому-то покажется неубедительной. Заинтересованные читатели смогут оценить самостоятельно частоту упоминаний о труде как таковом с использованием соответствующей лексики в подборках, иллюстрирующих другие пары признаков и случайных по отношению к шкале «этика—логика».

3.3.2.3. Примеры характеристики процесса художественного творчества через технические аналогии.

- «Зелёный тон очень удачен получился, и рисунок ничего себе, теперь же весь интерес работы в том, что я изобретаю распределение красок»⁷⁴ [12, 121].
- «Впрочем, в последнее время я стал опять изобретателем. После моей «граттографии» я затеял рисовать на стекле, и пока меня первые пробы радуют. Словом, переношу графику и краски на этот симпатичный материал, который даёт очень интересные возможности и, между прочим, золочение и серебрение — иначе сказать, перешагиваю, откровенно впадаю в «индустрию в этой области»⁷⁵ [12, 225].
- «Я сделал 2 больших изобретения: сам план постановки и перемена «Грома» на пейзаж и 2-е — распределение костюмов в зале, чему может, пожалуй, позавидовать и сам Бенуа!»⁷⁶ [12, 241].

⁷⁰ Из письма к Г. С. Верейскому от 18 февраля 1926 г.

⁷¹ Из письма к А. Н. Бенуа от 25—27 октября 1951 г.

⁷² Из письма к отцу от февраля—марта 1901 г.

⁷³ Из письма к А. Н. Бенуа от 1 сентября 1905 г. «Жупел» — сатирический иллюстрированный журнал, издававшийся З. И. Гржебиным в 1905 г.

⁷⁴ Из письма к Е. О. Добужинской от 28 января 1913 г. Речь идёт о росписи интерьеров дома Носовой в Москве.

⁷⁵ Из письма Г. С. Верейскому от 22 марта—12 августа 1929 г. Граттография — вид графической техники, при котором изображение наносится процарапыванием предварительно нанесённого на мелованную бумагу чёрного грунта. М. В. Добужинский использовал граттографию при создании получивших широкую известность иллюстраций к повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи».

⁷⁶ Из письма к Е. О. Добужинской от 26 октября 1930 г.

3.3.2.4. Пример механистического сравнения:

- «В громоздкой министерской машине многие винты и колёса просто бездействовали, причём безо всякого вреда для тяжёлого и медленного хода этой государственной машины. Она действовала так, как ей и полагалось, ибо всегда находились «без лести преданные» и ревностные служаки, которые работали за двоих» [11, 179].

3.3.3. Точное знание

3.3.3.1. Примеры характеристики различных объектов через избыточные (редко встречающиеся у других мемуаристов)⁷⁷ подробные данные, выраженные в неких единицах измерения.

- «В нашей большой зале (пять окон) росли вперегонку со мной в горишках и зелёных кадках тоненькие пальмы, фикусы, олеандры, золотое дерево, рододендроны и любимые папины цветы: камелии, розы, фуксии и — в длинных ящиках — резеда» [11, 33].
- «Центром всего нашего домашнего царства флоры и фауны был громадный аквариум, стоявший посреди нашего зала. В этот шестиугольный аквариум входило больше шестидесяти вёдер воды!» [11, 33].
- «В этой комнате стоял большой книжный шкаф и многоярусная открытая полка для книг. Книги на моих глазах в течение моего детства всё время умножались, а позже отец довёл свою библиотеку до четырёх с половиной тысяч томов» [11, 38].
- «Отец был назначен командиром 5 батареи 27 артиллерийской бригады...» [11, 88].
- «На катке, конечно, блистали офицеры (в Вильне они были «всех родов оружия»), и особенно лейб-драгуны 4-го Псковского Её Величества полка — пожиратели всех сердец — у которых была замечательно красавая форма (сочетание тёмно-зелёного и розового цвета сукна с серебром), так что мы, гимназисты, «синяя говядина», чувствовали себя париями» [11, 102].
- «Терский был в министерстве видной фигурой — был тайным советником, вице-директором канцелярии министра и управляющим «отделом по отчуждению имущества. И в этот самый «отдел» я, благодаря ему, и мог поступить — но далеко не сразу: там вакансии не было, и я сначала попал в другой департамент, находившийся на Итальянской, в красном старинном доме рядом с Пассажем, и носившем неуклюжее и тоже, вероятно, старинное название «Управление внутренних водных путей, шоссейных дорог и портов» [11, 175].
- «Моя должность была «И. О.» (исполняющий обязанности) младшего помощника делопроизводителя. И первое жалование — 45 р. в месяц — было назначено только через полтора года, когда я перестал быть «И. О.» и был «осчастливлен» утверждением в должности и в чине коллежского секретаря» [11, 177].
- «Во время подготовительной работы самого спектакля (репетиций было 114!) я тесно сжался с самой пьесой» [11, 243].
- «Отец, как я узнал, скоро был отмечен начальством — батарею свою он принял в плохом состоянии и быстро её поправил. (Эта 5-я батарея 14-й артиллерийской бригады была боевой, некогда отличилась при защите Севастополя и получила серебряные Георгиевские трубы. В этой именно бригаде в Севастополе служил молодым офицером Лев Толстой)» [11, 78].
- «Блок был тогда призван на военную службу, служил в инженерных войсках где-то в Пинских болотах, и официально именовался «табельщиком 13-й строительной дружины»... [11, 280].

⁷⁷ Важно, что здесь точные данные представляют собой часть эстетической характеристики самого автора и его среды. Бывает, что художник-мемуарист, в числе прочего, ставит целью инвентаризацию собственного творческого наследия, осознавая, что после его смерти с этим разрозненным наследием кому-то придётся разбираться. Таковы мемуары предусмотрительных логиков-статистиков-субъективистов И. Э. Грабаря и А. П. Остроумовой-Лебедевой (СЛЭ). Использование списков и точных параметров ограничивается областью этой специальной задачи.

3.3.3.2. Примеры избыточного введения добавочных предложений, уточняющих и дополняющих только что перед этим сказанное. Эта особенность стиля М. В. Добужинского характерна только для эпистолярной части его литературного наследия (естественно предположить, что текст мемуаров подвергался более тщательному редактированию), причём она меньше проявляется в письмах, написанных после приблизительно 35-летнего возраста.

- «Город мне очень понравился, и мы осмотрели там всё замечательное. Начали с водопада, осмотрели бумаго-прядильную фабрику, машины которой приводятся в движение этим водопадом. Нам в конторе этой, так называемой Кексгольмской мануфактуры дали проводника, который нас повёл по всей фабрике и всё показал. Это, кажется, и есть та фабрика, где некогда работала наша няня»⁷⁸ [12, 29].
- «Дело в том, что я не знаю, сколько времени пробуду в Мюнхене. Здесь я ещё останусь дня 4. Дивно тут. В Мюнхене я думаю найти кой-кого из русских: здесь я познакомился через Залкинда с кружком здешних русских студентов, и мне обещали дать адрес кого-нибудь из мюнхенских их товарищей. Там, в Политехникуме очень много, говорят, земляков. Вероятно, поэтому в Мюнхене буду несколько дней. Пиши пока, значит, в Мюнхен, но сейчас же»⁷⁹ [12, 35].
- «На моё несчастье, идёт дождь, я принуждён был купить зонтик. Купил, хотя дёшево, но расходы не из приятных: 4 марки это что-нибудь да составляет. Страшно выходят деньги, особенно на пустячки, а их как-то невольно покупаешь. Таким вот образом у меня и осталось денег в обрез. Вероятно, не придётся ничего хорошего купить»⁸⁰ [12, 36].
- «Если бы Вы знали, как часто я вспоминаю Вас и какая потребность порой посвятить Вас в те или иные вещи. Приезжали бы Вы, право, сюда. Пора — это, кажется, чувствуете и Вы. Хотелось бы от Вас самого узнать, правда ли эти слухи — что Вы летом уже будете в Петербурге? Порой услышишь это от Жени, от Кости Сомова, потом опять никаких подтверждений. Наверное, Вас не может не интересовать, что произошло и что изменилось тут за Ваше отсутствие. И, несомненно, Вас должно тянуть сюда, где ещё столько неиспользованного, неоткрытого и незавоёванного!»⁸¹ [12, 80].
- «Пошёл затем пить чай к жене Ал. Анат. Петрова и познакомился с живущим там сыном Марии Фед. Андреевой-Желябужской, который мне предложил, когда я приеду в следующий раз, остановиться в их квартире — прежней кварт. Стаковича, в той самой комнате, где я у него жил когда-то»⁸² [12, 156].
- «Разумеется, Ваше моральное сочувствие будет мне всегда очень дорого и ценно, и, я думаю, Вы не откажете мне в знакомстве с людьми, которые интересуются искусством, и с прессой. Возможно, что я там найду кого-либо из своих прежних знакомых, но, конечно, мне очень важно снестись и познакомиться с местными людьми — а их, очевидно, Вы знаете. Конечно, я хотел бы устроить выставку хорошо — значит, вопрос в помещении. К кому обратиться, я не знаю, и теперь моя главная просьба к Вам — быть добрым указать мне, с кем снестись по этому вопросу»⁸³ [12, 186].

3.3.4. Означающее и означаемое

Подтема «соответствие названия и явления» в словаре аспекта экстравертной логики занимает скромное место, входя в качестве составной части в тему «точное знание». Но в исследованном материале эта подтема представлена едва ли не как наиболее сквозная из тех, которые характеризуют оппозицию логики и этики. Её проявление состоит в устойчивом выделении в описываемой действительности класса объектов, специально созданных для

⁷⁸ Из письма к отцу от 13 августа 1896 г.

⁷⁹ Из письма к отцу от 15 октября 1896 г.

⁸⁰ Из письма к отцу от 10/21 июля 1897 г.

⁸¹ Из письма к А. Н. Бенуа от 8 апреля 1907 г.

⁸² Из письма к Е. О. Добужинской от 26 ноября 1920 г.

⁸³ Из письма к В. И. Немировичу от 5 июля 1925 г.

обозначения, называния других объектов. Вывески, надписи, заголовки, гербы, знаки отличия образуют своего рода «параллельный мир», и отношения между этим параллельным миром и действительностью выступают как объект внимания, о чём бы ни говорил автор текстов. Всего в тексте «Воспоминаний» разного рода надписи, вывески, гербы и т. д. упоминаются 45 раз. Например, в «Автобиографических записках» А. П. Остроумовой-Лебедевой, в которых также немало страниц посвящены описаниям пространственной среды, всего три упоминания такого рода объектов.

3.3.4.1. Примеры описаний городской среды через обозначающие объекты.

- «Тут мы прогуливались по тротуару, который шёл вдоль всех четырёх стен казённого дома, но и в этой скучной прогулке было маленькое развлеченье — посмотреть через решётчатые ворота с чёрными чугунными орлами на нашу Симбирскую улицу, где сквозь пни решётки видны были дребезжащая конка, спящие на козлах извозчики, разноцветные вывески мелочной и бакалейной торговли и золотой крендель немецкой булочной» [11, 6].
- «А как занятно было рассматривать то, что было изображено на вывесках встречных лавок и магазинов! На «мясной торговле» красовался бык на золотом фоне, внизу же мирно сидел баращек. На вывесках «зелёной и курятной» торговли были аппетитно нарисованы овощи — кочан капусты, морковка, репа, редиска или петухи, куры, утки, а у «колониального» магазина — ананасы и виноград» [11, 9].
- «Дядина квартира была на пятом этаже, и из окна мы видели круглый скверик со статуей Пушкина и табачный магазин с зелёной вывеской и гордой надписью: существует с 1882 года», которая нас смешала: был тогда 1883 год» [11, 64].
- «Я нередко к нему заходил на его узкий Казачий переулок, около Фонтанки, с высокими мрачными домами (на одном брандмауэре саженными буквами было выведено: «здающая квартиры»)...» [11, 230].
- «Спектакль состоял из множества действий, и последнее обязательство было «драка». Я рисовал афишу, и наверху её была надпись «афиша» [11, 64].
- «Помню совсем допотопную вывеску: обнажённая согнутая в локте рука, из которой кровь бьёт закруглённым фонтаном, и надпись: «Здесь кровь отворяют и пиавки ставят». Эти «пиавки», извивающиеся в банке, тут тоже были изображены. Была ещё замечательная надпись на воротах: «Здесь продаётся парное молоко и разные щётки» [11, 89].

3.3.4.2. Примеры подробных описаний «означающих объектов» в составе в описаниях внешности человека. В 26-ти случаях внешность человека характеризуется через называние знаков отличия, точно характеризующих принадлежность человека к определённой формальной группе. В сравнимых текстах других авторов число упоминаний знаковых особенностей одежды стабильно ограничивается одним—двумя.

- «У него был чин действительного статского советника («штатский генерал»), при отставке он получил чин тайного советника, и его мундир (помню фотографию) с правой и с левой стороны был украшен двумя орденскими звёздами Станислава и Анны, но вне службы он всегда носил штатское платье с туго накрахмаленной грудью и маленькими золотыми запонками на ней» [11, 54].
- «Мне было забавно, что на его золотых погонах значилось «О», и я думал, что это «номер ноль», потом узнал, что это означает «Оренбургское казачье войско» [11, 62].
- «Федя учился в императорском театральном училище и носил на фуражке с синим бархатным околышем лиру и был, так сказать, профессионал...» [11, 65].
- «Кончился этот маленький период, и я, с гордостью украсившись гимназической фуражкой с серебряным, прелестным своей матовостью гербом, поехал в Новгород к другому дедушке и бабушке — побывать с ними на прощанье» [11, 73].
- «После этого торжества, выходя гурьбой из гимназии, мы первым делом сорвали с фуражек гимназические серебряные значки, лавровые листья и буквы «В.2.Г.» и побросали их в тротуарную канаву, «риншток». С соседом по парте, Пушкиевичем, мы пошли ко мне в пустую квартиру (отец с семьёй был в лагере, в Оранах, и я оставался один в

Вильне с денщиком, он же повар) и откупорили бутылку вишнёвой настойки, которая ждала этого дня 6 лет! (На этикетке отец написал: «1889 г. Открыть в день окончания Славушкиной гимназии»). Увы, кто-то из денщиков за эти годы не утерпел, соблазнился этимnectаром и налил какой-то кислятины!» [11, 108].

- «Я заметил у тебя только одну ошибку: ампирный дом на Невском между Литейной и Надеждинской, где устраивали выставки, — дом не Родоконаки, как ты пишешь, а Бернардаки (или Бернардацци). Да, и ещё — у военных врачей эполеты были не золотые, а серебряные (у меня был дядя военный доктор, так что хорошо помню)»⁸⁴ [12, 321].

3.3.4.3. Примеры заинтересованного упоминания объектов, внешне похожих на знаки, но с несуществующим или неизвестным обозначаемым содержанием.

- «Под своими ногами на корявых известковых плитах панели я иногда замечал странные отпечатки и какие-то окаменелости. Позже мой гувернант, студент-медик, меня научил, что это моллюски «ортокератиты силурийской формации», — и мне нравилось произносить это учёное название» [11, 9].
- «...кроме насекомых, которых я, конечно, внимательно разглядывал и знал все особенности узоров бабочкиных крыльев и орнаменты на надкрыльях у жуков, — я стал собирать и марки» [11, 29].
- 3.3.4.4. Примеры закрепления придуманных объектов за неизвестными названиями.
- «Этот домик под моими окнами постоянно меня занимал — кто там живёт? — и я приставал с вопросами к своей няне. Она равнодушно отвечала: «Жильцы». Слово было непонятное, и я воображал, что это какое-то особое племя» [11, 6].
- «Звенел на конках звонок кондуктора, заливались колокольчики — дар Валдая — и бубенчики на проезжавшей тройке (я долго думал, что «дарвалдая» значит звенья...)» [11, 10].
- «Было много и забавных картинок, листы с «Наглядными несообразностями», которые я называл «Ненаглядными сообразностями» [11, 36].

3.3.5. Отношения с другими и к другим, оценка человека и его поведения, эмоциональные состояния

Разнообразие и частота лексики из семантического поля этических аспектов в тексте «Воспоминаний» М. В. Добужинского и первых ста страницах «Моих воспоминаний» А. Н. Бенуа отражены в таблице 2:

Таблица 2.

Тема/подтема	М. В. Добужинский. «Воспоминания»			А. Н. Бенуа. «Мои воспоминания» (с. 7–108)		
	Слов	Словоупотреблений		Слов	Словоупотреблений	
		Всего	На одно слово		Всего	На одно слово
Описание своих чувств/отношения к чему-то/кому-то	43	149	3.47	250	470	1.88
Описание отношений между людьми как постоянного фактора	10	55	5.5	77	122	1.58
Постоянные качества характера. Оценка поведения человека	79	153	1.94	188	273	1.45

Достаточно контрастному и показательному различию в употреблении этической лексики в пользу представителя типа ИЭЭ отвечают столь же показательные различия в общей тематической направленности мемуаров обоих художников. Развёрнутые психологиче-

⁸⁴ Из письма к А. Н. Бенуа от 10 января 1957 г.

ские портреты родственников и друзей, описания отношений между ними — отдельная тема в мемуарах А. Н. Бенуа, лишь вскользь затронутая у М. В. Добужинского. Текст последнего намного короче, в первую очередь, именно за счёт меньшей подробности освещения этого круга тем. Приведённым в таблице количественным данным отвечают и другие качественные особенности высказываний М. В. Добужинского по темам, характеризующим этический полюс данной шкалы. Эти особенности выявляются в следующих устойчивых типах высказываний.

3.3.5.1. Примеры относительной пассивности в завязывании новых контактов, замедленной стадийности в психологическом сближении с другими людьми. При этом отмечается потребность в эмоциональном сближении, но и периодически наступающее состояние одиночества или недостатка общения упоминается как нормальное.

- «Ни с кем из новых товарищай я особенно близко не сошёлся. Прежних же моих друзей я совсем не видел, а я так именно мечтал в Кишиневе об этих встречах [...] Ни одной девочки в Петербурге я не знал, оставался без женского общества и дичал» [11, 86].
- «В гимназии же я за два года ни с кем близко не сошёлся и не было ни одной знакомой девочки» [11, 76].
- «В этом лесу был устроен всегда пустующий каток, и было приятно на морозе кататься там в одиночестве» [11, 103].
- «В начале гимназии я ни с кем из товарищай по классу особенно близко не сдружился, и у меня никто не бывал — были лишь приятельские отношения. Но в 5-м классе я сошёлся с Алешей Рогаль-Левицким, который был по своему развитию и начитанности головой выше меня, да и был старше» [11, 102].
- «Учиться второй год в том же классе было нетрудно, и у меня было много свободного времени, но я медленно сходился с новыми товарищами, и все перемены между уроками проводил среди прежних приятелей, в их 7-м классе» [11, 105].
- «За весь мой первый год в университете я ни с кем не сходился, да и не было случаев к общению. На сходках я не участвовал, семинариев на нашем курсе не было, и среди землячества нашего виленского тогда не существовало. Я был поэтому тот самый «единичный посетитель университета», каким именно и полагалось быть студенту по пресловутому «Уставу 1884 года» [11, 130].
- «Часто, глядя на толпы студентов, слонявшихся по университетскому коридору, я думал — неужели в этой массе нет тех, которые так же, как и я, одиноки и, как и я, интересуются искусством? Но как было найти своих единомышленников? У меня, правда, были приятели, но настоящей дружбы не было» [11, 130].
- «Мы с женой продолжали жить обособленно, и я держался в стороне от главного русского центра — Верёвкиной и Явленского (у которых собирались много художников — и русских, и немецких) — исключительно по той глупой причине, что стеснялся общества, поэтому я также избегал и русского посольства, где многие бывали. Знаком был лишь с Гулькевичем, секретарём посольства, очень воспитанным и приятным господином» [11, 164].
- «Я очутился в этой среде, уже давно спевшейся и говорившей своим языком, как гость, попавший в незнакомый дом в самый разгар веселья, издали прислушивался к беседам и, по свойственной тогда застенчивости, редко решался вставить своё слово» [11, 199].
- «В первое время знакомства я её немного чуждался, у неё был очень острый «язычок» и насмешливость и такая же прямизна во мнениях, как у Сомова...» [11, 213].

3.3.5.2. Примеры неуверенной ориентации в нестандартных коммуникативных ситуациях. Набор типов психологических дистанций, упомянутых Добужинским, практически ограничен дальними и средними дистанциями: познакомиться, сблизиться, сойтись, подружиться. Если в мемуарах А. Н. Бенуа упомянуто 34 случая романтических отношений, то в «Воспоминаниях» Добужинского столь близкая психологическая дистанция встречается от силы 5 раз, причём несравненно более бегло, нежели в мемуарах представителя типа ИЭЭ.

- «Мой «квазироман» с Надей продолжался. Она постоянно меня дразнила, и с ней мне было весело и задорно; мне по-прежнему нравилось играть роль, но уже «всерьёз»; вернувшись в Кишинев, я вырезал перочинным ножиком на кисти левой руки якорь — символ надежды — и Надины инициалы и затёр царапины краской (как не произошло воспаления — непонятно)» [11, 83].
- «Она казалась мне безнадёжно и навсегда далёкой, и я готов был плакать от непонятного мне чувства боли. Во мне что-то делалось, что я испытывал впервые (мне было 14 лет), нечто совсем непохожее на ту маленькую и полушутилную «влюблённость», которая была у меня к Надичке, Мери и Нинуше; мне было грустно — и казалось всё очень серьёзным» [11, 91].
- «В другую поездку однажды разговорился с гимназисткой, у которой было совсем детское лицо. На одной долгой остановке между поездами мы погуляли поздно ночью по пустым улицам незнакомого города, и она стала впадать в сентиментальность, но, когда расставались, я, желая быть «не таким, как все» и поразить провинциалочку, сказал ей: «А я вам руки не поцелую», чем, вероятно, только обидел эту барышню» [11, 11].
- «Я всегда почему-то глупо терялся перед ней и не могу себе представить, какие мы могли вести с ней разговоры... Помню только, она повторяла: «Ах, барин, барин, какой вы хороший», — и мы, иногда забравшись в шалаши, где сладко пахло яблоками, тихо сидели, обнявшись, на соломе и самым невинным образом целовались. Евгения скоро уехала («мы переселенцы...») неизвестно куда — не в Сибирь ли? — и роман мой был очень краток, оборвался на предисловии...» [11, 120].

3.3.5.3. Примеры указания в качестве важной положительной психологической характеристики человека его способности облегчить установление психологического контакта, принять на себя инициативу.

- «С Константином Сергеевичем, несмотря на разницу лет, у меня сразу возникло большое душевное сближение. Он меня мало стеснял и умел необыкновенно уютно беседовать» [11, 239].
- «В ту пору я ни с кем особенно не сошёлся, но все были очень приветливы, особенная же, чуть подчёркнутая вежливость, я заметил, была общим свойством артистов МХТ. Качалов, которого я помнил ещё виленским гимназистом и с которым я постоянно встречался, как-то не располагал к близости и был менее всего москвичом, не так, как иные, — «с душой нараспашку». Но мне всегда нравилась его сдержанность и джентльменство. Более всех был ласков Лужский, шумный, весёлый, живой, немного актёрствовавший в жизни, и с ним тоже я ближе сошёлся лишь позже, благодаря «Бесам» и «Розе и кресту», где он принимал участие в режиссуре. Я охотно бывал в его комфортабельном и уютном доме, как и у О. Л. Книппер, с которой всегда было просто и весело. О Станиславском я не говорю, к нему у меня была настоящая влюблённость» [11, 247].
- «У меня сразу же при первой встрече было такое чувство, что мы с ним давно знакомы, что бывает редко»⁸⁵ [11, 202].
- «В Бенуа я думал встретить высокомерного, иронического человека, каким я представлял себе его по его ядовитым и умным критическим статьям, или важного «знатока искусства», который тут же раздавит меня своей учёностью. Вместо этого я увидел самую милую и весёлую приветливость и внимание, которые меня в Бенуа и поразили, и пленили, и сразу же отпали все мои тревоги»⁸⁶. [11, 206].
- «Хотя он ко мне всегда был мил, называл на «ты» («Мстислав», как и мать), но я так никогда и не мог найти «моста» к нему, впрочем, и не искал по понятным причинам. При этом он был человек необыкновенно молчаливый, что меня тоже смущало и действовало иногда даже угнетающе» [11, 118].

⁸⁵ Речь идёт об Е. Е. Лансере, художнике, члене «Мира искусства».

⁸⁶ Ср. с отзывом А. М. Горького (ЛСЭ) о В. И. Ленине: «Я ожидал, что Ленин не таков. Мне чего-то не хватало в нём. Картавит и руки сунул куда-то подмышками, стоит фертом. И вообще, весь — как-то слишком прост, не чувствуется ничего от вождя». Цит. по [17, 149].

3.3.5.4. Примеры неуверенности в оценке этичности/неэтичности поведения себя самого или других людей в нестандартных ситуациях, строгости в этических оценках. Примеры называния, в качестве важной положительной психологической характеристики человека, его способности хорошо разбираться в этических нормах.

- «Только тут я познакомился с жизнью, на себе самом перечувствовал её серьёзность — это был тот болезненный перелом, после чего я только впервые научился различать, что зло, что добро, начал узнавать себя, узнал тот путь, по которому нельзя идти, понял, в чём моё несчастье, узнал — что моё счастье»⁸⁷ [12, 51].
- «Другие приятели были, но только были приятели, да и мало их было, я выбирал только нравственных мальчиков, мне противна всегда была развращённость. Мой мирок всё замыкался большие в себе»⁸⁸ [12, 54].
- «Нравственность наша оставалась чистой, хотя мы и любили похохотать над неприличным анекдотом и посквернословить ради зубоскальства. Мы были совсем невинны в вопросах политики, и в нашем кружке почти не касались серьёзных тем. Кто-то раз принёс запрещённую книжку Писарева, и я ужаснулся его циничному развенчанию Пушкина» [11, 106].
- «В счастливом моём настроении одно только мне мешало: мне было неловко и как-то конфузно перед художником Художественного театра В. А. Симовым, которого мне пришлось как бы «устранить». Встречаться с ним мне приходилось редко, и, чувствя точно какую-то вину перед ним, я не знал, как себя держать. Впрочем, он продолжал работать в театре...» [11, 244].
- «Совестно обращаться с просьбой о деньгах в это для всех трудное время, но Бенуа меня обнадёжил, что это не будет нетактичным, и Вы сможете исполнить мою просьбу»⁸⁹ [12, 133].

3.3.5.5. Примеры оценки успешности/неуспешности своего творчества по критерию внешне проявленной положительной эмоциональной реакции окружающих.

- «Станиславский подошёл ко мне и благодарил меня. Я был как в тумане. Мне говорили, что «таких декораций в театре ещё не было», и я видел по улыбкам и приветливым глазам, как искренно все радовались» [11, 242].
- «Последний город, по сравнению с Ревелем, скучный, но под конец мне показался «ужасно уютным»: «человек красит место» — мне пришлось познакомиться с милейшими людьми и там. Почти подружился и в Ревеле, и в Дерпте. Постоянно слышал о радости, которую доставила моя выставка, и я видел, как это искренне»⁹⁰ [12, 189].

В целом шкала «логика—этика» характеризуется, по крайней мере, 70-ю законченными по смыслу высказываниями в тексте «Воспоминаний» и 37-ю — в тексте писем. Этот материал позволяет сделать заключение о доминировании в данной шкале полюса логики. При этом аспект *экстравертной логики* представлен в исследованных текстах как область уверенной ориентации, наиболее полного восприятия потока информации, включая полутона и оттенки, очевидно недоступные многим другим. *Этические аспекты* представлены как область неуверенной ориентации, причём аспект *интровертной этики* одновременно выступает как область повышенного интереса и ожидания помощи со стороны других. Аспект *интровертной логики* представлен понятиями, общими с аспектом *экстравертной логики*.

(окончание следует)

Л и т е р а т у р а .

1. Аугустинович А. Соционика. Т. 1. Введение. — М.-СПб.: Terra Fantastica, 1998.
2. Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 1. — М.: Наука, 1990.

⁸⁷ Из письма к отцу от 9 мая 1899 г.

⁸⁸ Из письма к отцу от 1—3 мая 1899 г.

⁸⁹ Из письма к В. И. Немировичу-Данченко второй половины сентября 1914 г.

⁹⁰ Из письма к Ф. Ф. Нотгафту от 12 ноября 1925 г.

3. Бенуа А. Мои воспоминания. Т. 2. — М.: Наука, 1990.
4. Александр Бенуа размышляет. — М.: Советский художник, 1968.
5. Александр Николаевич Бенуа и Мстислав Валерианович Добужинский. Переписка (1903–1957). — СПб, «Сад искусств», 2003.
6. Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусства. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. — СПб.: Мицфилл, 1994.
7. Воспоминания о Добужинском. — СПб.: Академический проект, 1997.
8. Грабарь И. Э. Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. / Сост., вступительная статья и комментарии В. М. Володарского. — М.: Республика, 2001.
9. Грабарь И. Письма 1917–1941. / Сост., введение и комментарии Н. А. Евсиной, Т. П. Каждан — М, «Наука», 1977.
10. Добужинский М. Альбом. Автор вступительной статьи и сост. А. П. Гусарова. — М.: Изобразительное искусство, 1982.
11. Добужинский М. В. Воспоминания. — М.: Наука, 1987.
12. Добужинский М. В. Письма. / Сост., предисловие, комментарии Г. И. Чугунова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
13. Доспехов С. В. Игорь Грабарь. Опыт диагностики ТИМа методом контент-анализа литературных источников. // Соционика, ментология и психология личности. — 2006. — № 1. — С. 45–66; № 2. — С. 34–55.
14. Доспехов С. В. Опыт диагностики ТИМа методом контент-анализа литературных источников. Александр Бенуа. // Соционика, ментология и психология личности. — 2007. — № 2. — С. 5–36; № 3. — С. 20–55.
15. Кочубеева Л. А., Миронов В. В., Стоялова М. Л. Соционика. Семантика информационных аспектов. — СПб.: Астер X, 2006.
16. Милашевский В. А. Вчера, позавчера... Воспоминания художника. — М.: Книга, 1988.
17. Миронов В. В., Стоялова М. Л. Соционические портреты. Типы и прототипы: писатели. — СПб.: Астер X, 2007.
18. Остроумова-Лебедева А. П. Автобиографические записки. I—II тт. — М.: Изобразительное искусство, 1974.
19. Петров В. М. Количественные методы в искусствознании. Выпуск 1. Пространство и время художественного мира. — М.: Смысл, 2000.
20. Петров-Водкин К. С. Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандиния. — Л.: Искусство, 1982.
21. Психология. Словарь. / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., исправленное и дополненное. — М., Политиздат, 1990.
22. Рабочая группа по соционике при лаборатории междисциплинарных исследований ИБПЧ (Санкт-Петербург). Наполнение признаков Рейнина: результаты практических исследований. // Соционика, ментология и психология личности. — 2003. — № 1. — С. 8–28.
23. Рабочая группа по соционике при лаборатории междисциплинарных исследований ИБПЧ (Санкт-Петербург). Методика типирования по признакам Рейнина с применением контент-анализа. // Соционика, ментология и психология личности. — 2004. — № 1. — С. 26–41.
24. Таланов В. Л. Анкетная диагностика признаков Рейнина и психологические профили популярных профессий в проекции на признаки. // Соционика, ментология и психология личности. — 2005. — № 5. — С. 23–35.
25. Таланов В. Л. Интуиция и сенсорика, тактика и стратегия, иррациональность и иррациональность: психологические паттерны и психологические механизмы. // Соционика, ментология и психология личности. — 2005. — № 4. — С. 5–37.
26. Таланов В. Л. Содержательное наполнение и физиологическая интерпретация соционических признаков «конструктивизм-эмотивизм», «тактика-стратегия», «уступчивость-упрямство» и «обеспечность-предусмотрительность». // Соционика, ментология и психология личности. — 2006. — № 5. — С. 5–25.
27. Чугунов Г. И. Мстислав Валерианович Добужинский. — Л.: Художник РСФСР, 1984.
28. Яншин П. В. Введение в психосемантику цвета. Учебное пособие. — Самара: Изд-во СамГПУ, 2001.

Статья поступила в редакцию 23.08.2008 г.